
Тени миров
Шпиль на крыше
Fenyxxx

Fenyxxx Fenyxxx

Шпиль на крыше

https://litres.ru/74718364
SelfPub; 2026

Аннотация

Есть двери, которые заперли так давно, что о них забыли даже те, кто клялся их стеречь. Одна из них снова приоткрылась. С той стороны пахнет горячим песком и сургучом. Тем, кто её открыл, придётся решать, с какой стороны её закрывать.

Содержание

Пролог. Ящик номер семнадцать	4
Глава 1. Громоотвод	8
Глава 2. Устав	26
Глава 3. Повторить эксперимент	42
Глава 4. Крыша	58
Глава 5. Комиссия по имуществу	73
Интерлюдия I. Отдел учёта	88
Глава 6. Отчёт	102
Глава 7. Четверг, 14:00	117
Конец ознакомительного фрагмента.	132

Fenyxxx
Шпиль на крыше

Пролог. Ящик номер семнадцать

Стажёр Земного стола Тихон любил свет и очень старался, чтобы об этом никто не узнал.

В Канцелярии такое не поощрялось. Свет здесь был казённый, по сорок люкс на лампу, и над каждой лампой в коридоре висела бумажка: «Свет казённый. Уходя, гасите». Тихон, уходя, гасил, как положено, но сначала стоял под лампой лишнюю минуту, подставив ладони, и разглядывал их. Ладони были белые, с подстриженными ногтями, как требовал Аркадий Львович, и под лампой их было видно целиком, до последнего пальца. В отделе это считалось почти неприличным, вроде как греть ноги о чужую батарею.

По ночам в картотеке Земного стола дежурил стажёр. Дежурство было несложное: сидеть в двух свитерах, потому что картотекарь Фрол не разрешал топить, и раз в час проходить вдоль ящиков, держа ладонь у самых ручек, чтобы проверить, не потеплел ли какой-нибудь. Фрол считал, что карточки в тепле портятся. Сколько Тихон себя помнил, ни один ящик земного стола не потеплел, и он подозревал, что дежурство придумали для того, чтобы стажёры по ночам не си-

дели в машбюро под лампой Серафимы Ильиничны.

Часы над дверью картотеки шли по Земному времени. В двадцать два сорок семь Тихон заметил, что тень у него лежит неправильно.

Тени в отделе у всех вели себя одинаково: тянулись к ближайшей лампе, как герань к окну. Тень Тихона с первого дня тянулась к лампе над столом Фрола. А сейчас она лежала от стеллажей назад, через весь пол до самой двери, длинная и чёрная, какая бывает только у того, кто стоит к свету лицом.

Свет шёл из щели под ящиком номер семнадцать, тонкий и жёлтый. Тихон подошёл и протянул к ручке ладонь, как учил Фрол. Ладонь стала тёплой. Он подержал её подольше и почувствовал, как тепло поднимается к запястью, к застёгнутой манжете, и как ему совсем не хочется убирать руку.

- Не закрывайте, - сказал у него за спиной Аркадий Львович. - Пусть посветит.

Тихон отдёрнул руку. Аркадий Львович стоял в дверях картотеки, в плаще и в шляпе, с папкой под мышкой, как будто вовсе не уходил домой, а всё это время ждал в коридоре, когда понадобится. Может быть, так оно и было: в отделе никто точно не знал, когда Аркадий Львович уходит домой и есть ли у него дом.

- Я не трогал, Аркадий Львович. Он сам.

- Я знаю. - Аркадий Львович выдвинул ящик и двумя пальцами, за самый край, достал карточку, как достают из печи горячий пирог. Карточка светилась ровно, и в её свете

лицо Аркадия Львовича стало видно целиком, чего в отделе не случалось. - У нас на учёте всё, что стоит на месте более ста лет, Тихон. И эта светится почти четыре минуты. Вы знаете, сколько она до этого не светилась?

- Нет.

- Почти сто тысяч лет. - Он поднёс карточку к глазам. - Объект ноль-ноль-ноль-ноль-семнадцать, пограничный пункт, Земная сторона. На Земной стороне числится громоотводом, и очень правильно числится, потому что сегодня в него ударила молния.

- Разве ему от молнии что-нибудь бывает?

- Бывает, если молния прошла через человека. Тогда пункт просыпается. - Аркадий Львович перевернул карточку. - Графа «Носитель» пока пустая. Карточка старая, ей нужно время, чтобы вспомнить, как пишутся фамилии. Подождём.

- Может позвать Серафиму Ильиничну? - спросил Тихон. - Сказать, что пункт проснулся?

- Она уже знает. Печатает уведомление номер один ответственному лицу Земной стороны. Я распорядился, пока шёл сюда.

- Так ведь нет ещё никакого ответственного лица.

- Будет. Они всегда находятся, когда пункт начинает светиться. - Аркадий Львович положил карточку на стол Фрола, светом вверх, и подровнял её по краю столешницы. - Отметьте в журнале дежурства: двадцать два сорок семь, ящик

семнадцать, потеплел. Двадцать два пятьдесят, стажёр Тихон погрел руки.

Тихон взял ручку и остановился.

- Это тоже писать?

- Обязательно. Вы первый в отделе, кто его потрогал, пусть и через ящик, - сказал Аркадий Львович. - Когда-нибудь об этом спросят, и лучше, чтобы ответ нашёлся у нас в журнале, а не у вас на лице.

Тихон записал. Аркадий Львович дождался, пока он поставит подпись, кивнул и пошёл к двери, а в дверях обернулся.

- И к карточке руки не протягивайте, Тихон. Это не печка, это человек, и он нам понадобится целым.

Шаги в коридоре стихли не сразу: Аркадий Львович по дороге гасил лампы, одну за другой, как велела бумажка. Тихон посидел над журналом, посмотрел на дверь, потом на карточку и протянул к ней ладони, совсем немного, на два пальца ближе, чем следовало.

Карточка грела ровно, как печка, в которую только что подбросили дров. В пустой графе «Носитель» медленно, буква за буквой, точно кто-то писал изнутри горячей иглой, проступало: «Сомов О. А., двадцать семь лет. Местонахождение: под столом».

Глава 1. Громоотвод

К десяти вечера в лаборатории высоких напряжений на шестом этаже остались только Олег и катушка. Она гудела на одной ноте, раз в несколько секунд выбрасывала лиловую ветку разряда в заземлённую сетку и ни о чём не спрашивала. Олег это ценил.

Он сидел на высоком табурете за защитным экраном и писал в журнал. Журнал был бумажный, толстый, в клетку, с обгоревшим уголком на память о позапрошлой зиме, когда Олег решил, что держать тетрадь поближе к разрядника удобнее. Электронным записям он не доверял: компьютер мог зависнуть и унести с собой полгода работы, а тетрадь в худшем случае загоралась, и это хотя бы было сразу видно.

«22:24. Эксперимент семнадцать. Плотность в канале снова не дотянула до порога, разряд рассыпался веером, как и в шестнадцати предыдущих. Гипотеза жива, но выглядит плохо».

Дверь скрипнула, и в щель просунулась голова в форменной фуражке.

- Андреич, пол-одиннадцатого.

- Двадцать два двадцать пять, - уточнил Олег, не отрываясь от журнала.

- Это у тебя двадцать два двадцать пять, а у меня пол-одиннадцатого, у меня часы ещё отцовские. - Дед Федя во-

шёл целиком, вместе с фонариком и запахом мятных леденцов. - Собирайся давай, гроза идёт.

- Я слышу.

- Слышит он. С катушкой твоей в грозу сидеть, это надо голову дома забыть.

- Фёдор Ильич, у нас на крыше громоотвод. - Олег наконец поднял глаза. - Строго говоря, это самое безопасное помещение в городе.

- Громоотвод, - сказал дед Федя. - С тридцать четвёртого года стоит, его при мне ни разу пальцем не трогали.

- Это говорит о надёжности конструкции.

- Это говорит о завхозе, - отрезал дед Федя. - Борис Семёныч без бумажки от директора гвоздя не поменяет, а директор бумажки подписывает, только когда уже горит. Вот у нас громоотвод с тридцать четвёртого и стоит. И огнетушители с семьдесят девятого. А лампочки в туалете на третьем этаже не меняли с того дня, как их кто-то выкрутил.

- Их можно вкрутить обратно.

- Так их унесли, Андреич. Вместе с патронами. Бумажки-то на патроны нету.

Дед Федя прошёлся вдоль стенда, посветил фонариком за катушку, проверяя, не прячется ли там ещё один учёный, и покачал головой с таким укором, что у Олега зачесалась совесть.

- Чаю хоть попей. Там в коридоре автомат новый поставили, с кнопками. Кофе, какао, бульон даже есть.

- Я его ещё не изучил.

- Чего его изучать? Ткнул и пьёшь.

- Вот именно, - сказал Олег. - Ткнул, а что пьёшь, неизвестно. Там двенадцать кнопок и ни одной схемы.

Он кивнул на свой чайник, древний, с подпалённой ручкой и наклейкой «НЕ ТРОГАТЬ. ОЛЕГ». Чайник прошёл испытания ещё в аспирантуре, и Олег знал про него всё: сколько секунд он закипает, как щёлкает и в какую сторону бьёт током, если взяться мокрой рукой. Автомату в коридоре предстояло заслужить такое же доверие года за три, если повезёт.

- Мать твоя опять на вахту звонила, - сказал дед Федя как бы между делом. - Спрашивала, живой ли.

- Живой. Могла бы и мне позвонить.

- Так ты ж трубку не берёшь.

- Беру, - возразил Олег. И тихо добавил про себя. - С задержкой примерно в неделю.

- И сестра твоя забегала, в обед. - Дед Федя показал ладонью где-то у себя под подбородком. - Полчаса со мной про давление разговаривала. Я ей про давление ничего не говорил, а она уже всё знала, и какое, и почему, и что мне надо на лыжи.

-Варя… - сказал Олег. - Она диагностирует всех, кто попадается ей на пути. Строго говоря, выборка у неё больше, чем у районной поликлиники.

- Велела передать: если в воскресенье ты опять не при-

дёшь на обед, она придёт сама. С тортом и с гитарой.

- Это угроза, - сказал Олег.

Дед Федя посмотрел на него поверх фонарика и ничего не сказал, а это было хуже любых слов. Семью Олег любил: и маму, и папу, и даже Варю, особенно когда Варя спала. Но с телефоном у него с детства не ладилось. В трубке человек появлялся без предупреждения и ждал ответа сразу, а Олегу нужно было время, чтобы ответ проверить. Сообщение можно перечитать перед отправкой, а сказанное в трубку улетает сразу, со всеми ошибками, и исправить его уже нельзя.

- Ладно, - сказал дед Федя. - Пятнадцать минут. Потом приду и выключу всё сам, вместе с тобой.

- Двадцать.

- Пятнадцать. И Маруся сейчас пол мыть пойдёт, так что сиди и не шастай.

Маруся явилась через минуту, с ведром в одной руке и шваброй в другой, и держала швабру так, как держат копьё на старинных картинах.

- Олег Андреевич, я у вас мою через десять минут, - объявила она с порога. - Кто наследит, тот и вытирает. Языком.

- Это негигиенично, - заметил Олег.

- А мне без разницы, я предупредила.

Она развернулась и ушла, громыхая ведром. Дед Федя проводил её взглядом и понизил голос:

- Ты с ней не спорь. Она в девяносто восьмом члена-корреспондента с помытого пола гнала. Мокрой тряпкой, через

весь коридор. Он с тех пор к нам на конференции только летом ездит, когда полы через день моют.

- Это не может быть единственной причиной.

- А ты у него спроси, - сказал дед Федя и тоже ушёл.

* * *

Когда дверь закрылась, Олег вернулся к катушке. Гроза подошла вплотную. Окна лаборатории выходили на крыши старого центра, и каждые полминуты эти крыши становились белыми, а потом опять пропадали в темноте. Олег по привычке считал секунды между вспышкой и раскатом и делил на три. Сначала выходило два километра, потом полтора, потом меньше километра.

- Последняя серия экспериментов, - сказал он катушке. - Восемнадцатая, контрольная.

Катушка не возражала. Он включил её, и первый же разряд пошёл не в сетку.

Лиловая ветка выгнулась, как будто её потянули за конец, и лизнула раму окна. Второй разряд сделал то же самое. Третий дотянулся до потолка в углу, где над лабораторией, на чердаке, проходил толстый медный провод от громоотвода.

Олег подался вперёд и забыл про журнал.

- Интересно, - сказал он вслух. - Это ты к нему тянешься, что ли?

Разряды тянулись к углу упрямо, раз за разом, как кот к

холодильнику, у которого минуту назад кто-то шуршал пакетом. Олег нашарил ручку и начал записывать, не глядя на страницу:

«22:40. Разряд систематически отклоняется к углу, где проходит провод громоотвода. Сквозняк разряд не отклоняет. Возможная причина - внешнее поле грозы, проверить. Очень интересно».

Слово «очень» он подчеркнул два раза. В его журнале это означало примерно то же, что у древних греков крик «Эврика!» и беготня по улице в одной простыне.

Где-то в эти минуты пришла Маруся. Олег потом так и не вспомнил, как она вошла: он смотрел на разряды, а Маруся мыла пол у него за спиной, обходя стенд по кругу, и когда швабра постучала по ножке табурета, он, не оборачиваясь, поднял ноги и держал их на весу, пока под ним протирали. Уходя, Маруся сказала с порога что-то про помытое и про язык, но Олег расслышал только, что гроза уже над институтом.

Небо за окном вспыхнуло так, что лампы на потолке на секунду показались тусклыми. Гром ударил сразу, без паузы, и в этом громе Олег услышал звук, которого у грома не бывает: глубокий, долгий, гудящий, как у колокола размером с дом. Звук шёл сверху, с крыши, и стёкла в шкафах ответили ему тонким дребезгом.

А потом потолок в углу засветился.

Свет проступил сквозь побелку, белый с голубым, и Олег

успел разглядеть в нём линии, похожие на строчку на незнакомом языке. Катушка взвыла. Все разряды разом развернулись к углу, слились в один толстый жгут, и этот жгут на полпути передумал и пошёл к Олегу. Точнее, к его руке, которую он зачем-то поднял: то ли закрыться, то ли показать молнии, где тут экспериментатор.

Удара Олег не почувствовал. Его подняло, развернуло и аккуратно, как чемодан на багажную полку, уложило под лабораторный стол.

* * *

- ...по помытому! - сказал откуда-то сверху голос Маруси. - Я ж говорила!

Олег открыл глаза. Над ним висели два лица: круглое, в фуражке, и сердитое, в косынке. Пол под щекой был мокрый и пах хлоркой.

- Я не наследил, - первым делом сообщил Олег. - Меня положили.

- Живой, - сказал дед Федя и сел на табурет, что для его коленей было поступком. - Слышишь, Маруся? Разговаривает.

- Разговаривает он. А пол кто перемывать будет?

- Я перемою, - сказал Олег и попробовал сесть.

Получилось с третьего раза. Голова гудела, во рту был вкус батарейки, которую лизнули на спор, а волосы стояли

дыбом и потрескивали, когда он к ним прикасался. Очки не треснули, только сползли на одно ухо.

- Что это было-то? - спросил дед Федя. - Грохнуло на весь институт. Я на втором этаже был, у меня фуражку с головы сдуло.

- Молния. Ударила в громоотвод и, по-видимому, дошла до нас.

- А громоотвод на что?

- На это он, по-видимому, и не рассчитан.

- Вот! - Дед Федя поднял палец. - А я что говорил? С тридцать четвёртого года!

Олег встал, держась за край стола, и осмотрел лабораторию. Он ждал разгрома и запаха горелой изоляции, но всё выглядело почти как обычно: катушка стояла на месте, выключенная, приборы светились зелёными огоньками, на потолке в углу не осталось ничего, кроме пятна чуть желтее остальной побелки. Зато на полу, там, где только что лежал Олег, темнело выжженное пятно странной формы, длинное, с тремя неровными выступами на одном конце.

- На ключ похоже, - сказал дед Федя, посветив на пятно фонариком. - На бородку. У меня от сарая такой был.

- Это фигура Лихтенберга, - машинально возразил Олег. - След разряда на поверхности. Они бывают разной формы.

- Ну а эта на ключ похожа.

- Они бывают похожими на что угодно. Это ничего не значит.

Олег поправил очки, и все лампы под потолком разом вспыхнули ярче. Маруся прищурилась на них, потом на Олега.

- Вот, опять, - сказала она. - Пока я тебя будила, они так раза три делали. Это ты балуешься?

- Я ничего не делаю. Это скачки напряжения в сети после удара.

- Ага, - сказала Маруся с таким лицом, с каким выслушивают объяснения, что пол сам себя испачкал.

Олег отвернулся к окну, чтобы проверить, цело ли стекло, и увидел трещину.

Она висела в воздухе, в полуметре от окна, на высоте его лица. Тонкая, как волос, длиной с ладонь и чёрная - чернее выключенного экрана, чернее всего, что Олег видел в жизни. Она не отражала свет и не отбрасывала тени. Олег отступил на шаг, потом шагнул вбок, а трещина осталась там, где была. Он закрыл левый глаз, потом правый, и в обоих случаях она висела на месте.

- Фёдор Ильич, - сказал Олег очень ровным голосом. - Посмотрите, пожалуйста, вон туда, перед окном. Вы что-нибудь видите?

Дед Федя посмотрел, посветил фонариком и даже подошёл поближе.

- Окно вижу, дождь вижу, крышу филармонии. А что надо?

- Ничего, я проверяю.

- Маруся, а ты чего видишь?

- Паутину, - сказала Маруся. - Развели тут. Я весной всё снимала.

Прежде чем Олег успел её остановить, она шагнула к окну и махнула по трещине мокрой тряпкой. Тряпка прошла сквозь чёрную линию, как сквозь луч света. Только когда Маруся опустила руку, тряпка оказалась сухой и тёплой, как бельё, которое полдня провисело на солнце. И от неё пахло: густо, сладко и пряно, корицей, перцем и ещё чем-то, чему Олег не знал названия.

Маруся понюхала тряпку и подозрительно уставилась на Олега.

- Ты тут корицу жёг, что ли? Опыты у него.

- Я не жёг корицу.

- А пахнет корицей.

- Я понимаю, что пахнет. - Олег взял у неё тряпку, понюхал сам и аккуратно убрал в чистый пакет для образцов. - Я вам новую принесу. Эта мне нужна.

Маруся посмотрела на пакет, на Олега, на деда Федю и ушла, бормоча, что у учёных всё не как у людей: свою тряпку принести не могут, а чужую забирают в пакетик.

- Скорую вызову, - сказал дед Федя.

- Не надо.

- Как это не надо? Тебя молнией шарахнуло!

- Меня шарахнуло разрядом, который пришёл через громоотвод и почти весь ушёл в землю. Если бы мне досталось

много, мы бы с вами сейчас не разговаривали. - Олег говорил быстро, потому что от мысли о скорой, приёмном покое и незнакомых людях с незнакомыми вопросами ему стало хуже, чем от молнии. - Давайте так. Если завтра утром у меня будет болеть голова, я пойду к врачу. - На что дед Федя только хмыкнул. - Я запишу это в журнал, а запись в журнале - это документ.

Дед Федя пожевал губами.

- Пиши. При мне пиши.

Олег поднял журнал, обгоревший теперь с двух углов, и написал:

«22:47 (ориентировочно). Удар. Потеря сознания на 5-7 минут (со слов Ф. И.). 22:55. Наблюдаю у окна линейную оптическую аномалию, которую Ф. И. не видит, а М. видит как паутину. Тряпка, проведённая через аномалию, высыхает и пахнет пряностями. Гипотеза: последствия удара по голове. Альтернативная гипотеза: отсутствует. Если завтра болит голова, иду к врачу (обещание)».

- Расписывайся, - велел дед Федя.

Олег расписался. Дед Федя забрал журнал, прочитал, шевеля губами, и расписался ниже, крупно и с завитушкой: «Свидетель Ф. И. Кудрявцев».

В кармане у Олега пискнул телефон. Олег достал его: на экране светились три процента заряда и уведомление с форума. Пока он открывал сообщение, три процента превратились в сорок, а пока читал первую строчку, в семьдесят.

- Гляди-ка, - сказал дед Федя с уважением. - Зарядился. Ты его в розетку, что ли, сунул?

- Нет.

- А как тогда?

- Сбой индикатора, после удара бывает.

- После удара у тебя, Андреич, всё бывает, я гляжу.

Письмо на телефон пришло от Dr. Zlo. Старый знакомый Dr. Zlo писал Олегу четыре года, с тех пор как оказался единственным на форуме «Прикладная электродинамика», кто дочитал до конца его сообщение о затухающих колебаниях. Он жил где-то за границей, писал по-русски безупречно и немного старомодно, разбирался в физике лучше половины учёного совета и, самое главное, ни разу не предложил созвониться. Олега это устраивало: он и сам не любил созваниваться.

Дед Федя нацепил очки, которые висели у него на шнурке, и бесцеремонно заглянул через плечо.

«Уважаемый Олег!

Пишу вам безо всякой причины. Просто так, по-дружески, и совершенно случайно именно сейчас.

Если у вас сегодня ничего не повисло в воздухе, дальше не читайте. Если повисло, тоже не читайте, но запомните: висящее не трогать, руками не мерить, линейкой тем более. Тряпками не махать. Ни в коем случае не смотрите на крышу, а если уже посмотрели, то хотя бы не смотрите второй раз.

Я ничего не писал, это сбой форума.

Ваш Dr. Zlo

P.S. Как у вас погода?»

- Это кто ж тебе такое пишет? - спросил дед Федя.

- Коллега с форума, Доктор Зло.

- Доктор кто? - Дед Федя отодвинулся от телефона. - Это что ж за человек, который себя Злом назовёт?

- Это ник, псевдоним, а сам он физик, очень хороший.

- Хороший человек Злом называться не станет.

- Он так шутит, он вообще странно шутит.

- «Повисло в воздухе», - прочитал дед Федя, ведя по экрану толстым пальцем. - Так это он про твою паутину!

- Он не может знать про паутину. - Олег показал на время отправки. - Письмо пришло в двадцать два сорок девять, через две минуты после удара. Я ему ничего не писал.

- Вот и я говорю: откуда знает?

- Ниоткуда, значит, речь о другом. - Олег ткнул пальцем в потолок, где над стендом болтался старый чёрный кабель. - Видите? Я ему на прошлой неделе жаловался, что этот кабель давно пора снять. «Висящее не трогать» значит не трогать кабель в грозу. Совет разумный, только запоздалый.

- А «линейкой»?

- Я ему однажды рассказал, как мерил линейкой зазор в работающем разряднике. Он тогда очень ругался, так что это шутка, напоминание.

- А тряпки? Маруся-то тряпкой махала.

- Про Марусю он не знает. Это про сушку оборудования после грозы: мокрой тряпкой по приборам махать нельзя.

- А на крышу чего не смотреть?

- Я ему писал, что громоотвод у нас с тридцать четвёртого года. Он намекает, что пора бы заменить.

- А «я ничего не писал»?

- Он так всегда заканчивает, особенно если даёт совет. Манера у него такая.

Дед Федя снял очки, сложил их и посмотрел на Олега тем взглядом, каким смотрят на внука, который собрался чинить розетку вилкой.

- Андреич, я человек простой. Мне если пишут «не смотри на крышу», я на крышу и не смотрю. А ты?

- А я считаю, что любое утверждение надо проверить, - сказал Олег, но к окну, где висела чёрная линия, так и не повернулся. - Завтра, при дневном свете.

* * *

До дома было двадцать минут пешком, и Олег прошёл их под дождём, потому что зонт остался в лаборатории, а возвращаться за ним он не стал. Фонари на улице горели неровно и вспыхивали ярче, когда он проходил под ними, но Олег этого не замечал. К подъезду он пришёл с шестью гипотезами насчёт тряпки, из которых пять противоречили физике, а шестая - здравому смыслу.

На площадке четвёртого этажа, на подоконнике, сидела Варя. Она была в мокрой ветровке, с рюкзаком на коленях и болтала ногами, а на пальцах у неё белела магнезия, которую она никогда до конца не отмывала. Варя жила с родителями в девятиэтажке через дорогу, и за шесть лет Олег так и не понял, каким образом она узнаёт новости раньше, чем они случаются.

- Живой! - Варя спрыгнула с подоконника. - Мне Маруся позвонила! Тебя молнией шарахнуло!

- Добрый вечер.

- Какой там добрый! Ты почему трубку не берёшь? Я тебе одиннадцать раз звонила, мама четыре, а папа один, но очень выразительно.

Олег остановился на ступеньке.

- Ты знакома с Марусей?

- Олежа, я со всеми знакома. Я к тебе в институт в прошлом году на день рождения приходила, с шариками, ты забыл? Ты ещё под стол спрятался.

- Я не прятался. Я искал кабель.

- Сорок минут.

- Кабель был длинный.

Варя оглядела его с ног до головы, и Олег почувствовал себя трассой, которую тренер проходит глазами снизу вверх, прежде чем пустить на неё новичка.

- Ну-ка покажись. - Она провела ладонью по его волосам, и волосы затрещали. - Ого! Ты весь как ёжик! Слушай, это же

класс. Можно я тебя в субботу к нам на скалодром приведу? Будешь детям показывать опыты. Ну, то есть стоять в углу и потрескивать.

- Нет.

- Ты даже не подумал.

- Подумал. Быстро.

- Мама котлеты передала. - Варя вытащила из рюкзака контейнер и сунула ему в руки. - Сказала: если вернёшь контейнер пустым, значит, живой. Если с котлетами, значит, не живой или опять не ел, и тогда она придёт сама. А тебе надо, чтобы она пришла сама?

- Мне надо записать результаты, - сказал Олег, поднимаясь мимо неё к двери. - Голова не болит, врач не нужен.

- Перевожу, - сказала Варя. - «Варя, иди домой, мне страшно, что ты тут стоишь и разговариваешь». Ладно, иду. Но в воскресенье ты на обеде, понял? Мы с мамой решили тебя растормошить, и я тебя уже записала.

- Куда?

- В свой телефон. Это почти как твой журнал, только там всё сбывается.

Олег открыл дверь, вошёл и закрыл её за собой, но Варю это не остановило.

- Я в окно буду смотреть! - донеслось до него уже сквозь дверь. - У тебя свет видно!

Холодильник был пуст, если не считать половины лимона и банки горчицы неизвестного года выпуска. Олег поставил

туда мамин контейнер, и холодильник сразу стал выглядеть более обитаемым. Олег включил настольную лампу, поставил телефон заряжаться по привычке, хотя тот и так показывал сто процентов, и открыл ноутбук.

«Уважаемый коллега! - написал он. - Спасибо за совет. Кабель над стендом я так и не снял, но сегодня он не пострадал. Сушку оборудования проведу без тряпок. Насчёт крыши вы правы: громоотвод у нас пора менять, сегодня в него ударила молния, и он с ней, по-моему, не справился. Голова в порядке. Видел у окна странную чёрную линию, но это, очевидно, последствия удара, к утру пройдёт. Погода: гроза, сейчас дождь. Ваш Олег».

Ответ пришёл почти сразу. Одно слово, без приветствия и без подписи, что для Dr. Zlo было неслыханно:

«Ох».

Олег подождал продолжения, не дождался и решил, что «ох» означает сочувствие. Он записал в журнал: «23:40. Головная боль средняя. Dr. Zlo сочувствует». Потом, не глядя, выдернул вилку лампы из розетки, как приучил его в детстве папа, который в грозу выключал в доме всё, кроме Вари: Варю выключить не удавалось никому. Потом повалился на диван, не раздеваясь, и сразу накрылся пледом с головой.

Где-то у реки гроза собрала последние силы и ударила в подстанцию. Олег этого не услышал, потому что уже спал. Зато услышал весь район. Свет погас в домах на три квартала вокруг: погасли фонари, окна, вывеска аптеки на углу и вся

девятиэтажка через дорогу, от первого этажа до девятого.

Минут через пять зазвонил телефон. Олег не взял, даже не поднялся за ним. Телефон замолчал, но тут же начали приходить сообщения, одно за другим, так что экран светился не переставая: «Олежа», «у всего района света нет», «у нас тоже», «А У ТЕБЯ ГОРИТ», «я вижу из окна!!!», «у тебя генератор???», «ты там живой вообще».

Олег сел на диване и выпутался из пледа. Настольная лампа горела ровно и ярко, ярче обычного. Её вилка лежала на полу, в метре от розетки, там, где он сам её бросил полчаса назад.

Он посмотрел на вилку, на лампу, на свою ладонь, которая слегка покалывала, взял телефон и напечатал: «Варя, у меня аномалия. Приходи завтра».

Отправил и только потом сообразил, что сам, впервые в жизни, позвал Варю в гости.

Глава 2. Устав

Зал для тренировок у Ордена был низкий, и Игорь, когда злился, задевал макушкой лампу. Сегодня он задел её уже дважды.

- Пункт тридцать второй, - сказал он, поднимаясь с мата. - Боец, сбитый с ног, встаёт, не теряя достоинства.

- Встал? - спросил Сан Саныч.

- Встал.

- А достоинство где?

Игорь промолчал. Достоинство, судя по ощущениям, осталось на полу, примерно в том месте, куда он приложился спиной. Сан Саныч, невысокий, сухой, в старом спортивном костюме с вытянутыми коленками, стоял напротив и даже не запыхался. Ему было за шестьдесят. Игорю было двадцать пять, и последние шестнадцать лет он пытался понять, как это работает.

- Ещё раз, - сказал Сан Саныч.

Игорь пошёл вперёд, сделал обманное движение левой, ударил правой и обнаружил, что опять лежит, а лампа над ним раскачивается.

- Пункт тридцать третий, - сказал он потолку. - Боец, сбитый с ног повторно, обязан...

- Боец во время схватки не разговаривает, - перебил Сан Саныч. - Пункт тридцать первый. Ты его пропустил, вот и

лежишь.

- Я не пропустил, я цитирую по порядку.

- По порядку будешь в библиотеке цитировать. А тут цитируй по обстановке.

Игорь сел. Устав Ордена Хранителей он знал наизусть, целиком, все четыреста двенадцать пунктов, включая те, что касались сторожевых костров, конных разъездов и порядка действий при встрече с крупным зверем в узком ущелье. Книжечку устава, потёртую, в обложке из тёмной кожи, он носил во внутреннем кармане куртки. Это было полное издание, и досталось оно ему от Сан Саныча в тот день, когда девятилетнего Игоря забрали из детского дома и привезли сюда, в подвал под вывеской «Городское общество охраны памятников старины».

Тогда Сан Саныч сказал ему: «Тут всё написано. Что непонятно - спрашивай». Игорь спрашивал шестнадцать лет. Сан Саныч отвечал примерно на каждый пятый вопрос, а на остальные говорил: «Читай внимательнее».

- Можно вопрос? - спросил Игорь.

- Нельзя.

- Почему вы всегда бьёте с одной и той же стороны, а я всё равно не успеваю?

Сан Саныч подумал, что для него было знаком уважения к вопросу.

- Потому что ты смотришь, откуда я бью, - сказал он. - А надо смотреть, куда я не хочу, чтобы ты смотрел.

- А это где написано?

- Нигде, это я сам придумал. Вставай.

Игорь встал. В этот раз он смотрел туда, куда учитель, по его мнению, не хотел, чтобы он смотрел, то есть на его левый ботинок, и продержался почти четыре секунды. Потом Сан Саныч ударил его ровно с той стороны, откуда бил всегда, и Игорь в третий раз за утро задел лампу, только уже не головой, а ногой, когда падал.

Дверь распахнулась, и в зал влетел Вадик, послушник девятнадцати лет, белобрысый и вечно взъерошенный, как воробей после драки.

- Сан Саныч, громомер! - выпалил он. - Девять делений! Вас в Совет зовут, срочно! И Игоря тоже!

Сан Саныч опустил руки. Игорь впервые видел, чтобы учитель опустил руки посреди тренировки, и на всякий случай не стал этим пользоваться.

- Сколько? - переспросил Сан Саныч.

- Девять! Ночью, в двадцать два сорок семь! Ольга Сергеевна сначала думала, что стрелка залипла, а потом посмотрела журнал, там с тысяча девятьсот сорок первого года выше двух не было!

- Ольга Сергеевна думала, - повторил Сан Саныч. - Ну, если уж она думала. Пошли, Игорь. Полотенце возьми, у тебя на лбу след от лампы.

* * *

Совет Ордена заседал в комнате, которая раньше была кабинетом председателя общества охраны памятников, и от председателя в ней остался портрет какого-то бородатого краеведа, засохший фикус и запах канцелярского клея. Сам Совет состоял из трёх человек, если не считать громомера.

Громомер стоял посередине стола на подставке из красного дерева и больше всего походил на бабушкин барометр: латунный круг, стекло, стрелка и деления, только вместо «Ясно» и «Буря» на нём были выгравированы значки, которые Игорь видел в хрониках и не умел читать. Стрелка показывала на девятку и мелко дрожала.

- Садитесь, - сказал председатель Совета Вениамин Карлович Штольц.

Он был стар настолько, что Игорь в детстве всерьёз считал его ровесником устава. Говорил он тихо, никогда не повторял сказанного и поэтому всегда был услышан с первого раза.

- Двадцать два сорок семь, - сказал Штольц. - Девять делений. Источник определён с точностью до квартала: улица Кирпичная, дом четыре. Институт прикладной физики.

- Учёные, - сказал старший хранитель Беляев таким тоном, каким другие говорят «тараканы».

Беляев был крупный, лысый, в сером костюме, который

сидел на нём, как чехол на танке, и возглавлял в Ордене группу очистки. Группа очистки занималась тем, что Орден, если верить хроникам, делал уже, сто тысяч лет: находила то, чего не должно быть, и делала так, чтобы его не было. Древние монеты из чужого металла переплавлялись, черепки с неправильными знаками растирались в пыль, а слишком находчивые археологи однажды утром теряли интерес к раскопкам и уезжали на дачу выращивать кабачки. О кабачках Игорь старался не думать.

- Я предлагаю так, - продолжил Беляев. - Сегодня ночью заходим в институт, находим, что они там откопали, изымаем и плавим. Свидетелей к забвению. К утру все будут думать, что ночью была гроза и ничего больше.

- Ночью и была гроза, - заметил Сан Саныч.

- Вот и прекрасно. Значит, и думать ничего лишнего не придётся.

- Вы предлагаете зайти в институт на шесть этажей, где работают четыреста человек, не зная, что мы ищем, - сказал Штольц. - На грузовике?

- На двух. Для надёжности.

- Нет, - сказал Штольц, и Беляев замолчал. - Тихо и без грузовиков. Сначала узнать, что это и кто это сделал. Потом решать. Сан Саныч?

Сан Саныч кивнул на Игоря.

- Его. В институте его никто не знает, а второго ночного сторожа у них с весны ищут. Устроим.

- Ночным сторожем? - уточнил Игорь.

- Охранником, - поправил Сан Саныч. - Звучит солиднее, но платят так же.

- А если спросят, зачем обществу охраны памятников свой человек в институте? - спросил Игорь.

- Не спросят, - сказал Сан Саныч. - А спросят, скажешь, что охраняешь памятник.

- Какой?

- Сам институт. Здание тридцать четвёртого года, колонны, лепнина, на крыше шпиль. У нас на него и паспорт есть, я в восемьдесят шестом сам составлял.

- Вы составляли паспорт на институт? - Игорь посмотрел на учителя с новым интересом. - И что там написано про шпиль?

- Что он есть, - ответил Сан Саныч. - Остальное спросишь в другой раз, когда я буду отвечать на вопросы.

Беляев оглядел Игоря и пренебрежительно дёрнул подбородком.

- Мальчишку? У него ж в голове одни пункты.

- Пункт сорок первый, - сказал Игорь, прежде чем успел себя остановить. - Молодой хранитель первым идёт в дозор, дабы старшие сберегли силы для битвы.

- Вот, слышали? «Дабы»! - Беляев повернулся к Сан Санычу. - Ты ему что, полное издание дал? Где про мамонтов?

- Там нет про мамонтов, - сказал Игорь. - Там про крупного зверя в узком ущелье, пункт двести шестой.

- Это одно и то же.

- Это не одно и то же. В ущелье зверь не может развернуться, и поэтому...

- Хватит, - сказал Штольц очень тихо, и замолчали оба. - Решено. Игорь идёт охранником и ничего не трогает, пока не доложит Сан Санычу. Группа очистки ждёт его доклада, а не наоборот. Вопросы?

- Есть, - сказал Игорь. - Что именно я ищу?

Штольц посмотрел на громомер. Стрелка всё ещё дрожала на девятке, хотя с ночи прошло уже десять часов.

- Если бы мы знали, мы бы послали Беляева с грузовиком.

* * *

После Совета Игорь спустился в архив. Архив занимал два подвальных этажа под залом для тренировок, и хранитель архива был единственным человеком в Ордене, которого Игорь побаивался больше, чем Сан Саныча. Звали его Кроха. Кроха был ростом под два метра, с плечами, на которых можно было переносить шкафы, и добрым голосом, которым можно было читать сказки детям. Детей в Ордене не было, поэтому Кроха читал сказки шкафам.

- А, Игорёк, - сказал он, не поднимая головы от толстой папки. - Слышал, слышал, девять делений. Красота.

- Почему красота?

- Потому что с сорок первого года ничего не было, а тут

сразу девять. Я уж думал, на моём веку стрелка так и не двинется. - Кроха закрыл папку и наконец посмотрел на Игоря. Глаза у него были светлые и весёлые, совсем не подходящие к грозной фигуре. - Тебя ведь в институт посылают?

- Откуда вы знаете?

- Я архив, Игорёк. Я всё знаю, только с опозданием на сто лет. А тут повезло, всего на полчаса. - Он поднялся, прошёл между стеллажами, вернулся и положил на стойку узкую полоску плотной бумаги. - Держи, справка.

На полоске был нарисован тушью тонкий высокий шпиль. Наверху шпиль расходился на три неровных зубца, похожих на бородку старого ключа. Под рисунком стояли те же значки, что на громомере.

- Что это?

- Не знаю, - честно сказал Кроха. - Срисовал когда-то из одной хроники, а саму хронику потом группа очистки списала. Беляев тогда ещё в стажёрах ходил, старательный был мальчик, всё сжёг. А картинка осталась. Под ней было написано что-то вроде «стоит, где ловят небо».

- И при чём тут институт?

- А при том, что девять делений просто так не бывает. Если увидишь где-нибудь такую штуку, сначала мне покажи, ладно? Для архива. - Кроха подмигнул. - А то Беляев опять всё расплавит, и мне останется одна картинка.

- А почему не Совету? - спросил Игорь. - Пункт шестьдесят третий: о всякой находке хранитель докладывает Совету

прежде прочих.

- Так ты и доложишь, - легко согласился Кроха. - Только Совет спрашивает, что с находкой делать, а архив спрашивает, откуда она взялась. По-хорошему, сперва надо понять откуда, а уж потом решать, что делать. А то выйдет как с той хроникой: сожгли, а что сожгли, никто теперь не помнит.

- Беляев помнит.

- Беляев помнит, сколько было коробок, - сказал Кроха. - Двенадцать. Он мне до сих пор их в пример ставит, как быстро тогда управились.

Игорь спрятал справку в книжечку устава, между пунктами двести шестым и двести седьмым, где она точно не потеряется. О том, что архивариус просит показать находку раньше Совета, в уставе ничего сказано не было, и это Игоря немного беспокоило. Немного, потому что Крохе он доверял, а беспокоиться о людях, которым доверяешь, устав тоже не предписывал.

* * *

Институт прикладной физики оказался серым шестиэтажным зданием с колоннами у входа и высоким тонким шпилем на крыше. Игорь остановился на другой стороне улицы, задрал голову и долго смотрел на шпиль. Шпиль как шпиль: тёмный металл, наверху что-то вроде развилки, а что именно, снизу не разглядеть. Провода от него тянулись вниз

по стене и пропадали под карнизом.

- Чего встал, сынок? - спросили сзади. - Голубей считаешь?

Игорь обернулся. Перед ним стоял старик в форменной фуражке, с фонариком на поясе и пакетом мятных леденцов в руке.

- Я охранник, - сказал Игорь. - Новый, в ночную смену. Мне сказали, к Кудрявцеву.

- Ну, я Кудрявцев. - Старик оглядел его с ног до головы, примерно как Сан Саныч оглядывал новую грушу для битья. - Фёдор Ильич. Дед Федя, если по-человечески. Это тебя, что ли, из общества памятников прислали?

- Меня.

- Ну пошли, памятник, покажу хозяйство.

Хозяйство дед Федя показывал два часа. Игорь узнал, на каком этаже какая кафедра, где лестница, где лифт, который не работает с весны, где пожарный щит, на котором нет топора, потому что топор забрал завхоз Борис Семёнович для дачи, а бумажку о списании так и не оформил. Узнал, что в подвал ходить можно, но лучше не надо, а на крышу ходить нельзя, и ключ от чердака хранится у деда Феди лично, на шее, на шнурке рядом с очками.

- А второй ключ есть? - спросил Игорь, когда они поднимались на пятый этаж.

- Есть, у Бориса Семёныча. Только он его на даче держит, вместе с топором.

- Зачем ему на даче ключ от чердака?

- А зачем ему на даче топор с пожарного щита? - Дед Федя пожал плечами. - Человек хозяйственный, всё в дом. Я ему говорю: «Боря, отдай ключ», а он мне: «Пиши заявление». Я пишу, он говорит, что заявление не по форме. Я спрашиваю, где взять форму, а он отвечает, что форму надо заказать в типографии, а на типографию нужна бумажка от директора. Третий год так и пишу.

- Пункт семьдесят второй, - сочувственно сказал Игорь. - Хранитель не отступает перед препятствием, но ищет обходной путь.

- Вот я и обхожу. - Дед Федя похлопал по шнурку на груди. - Свой ключ ношу на себе, а Борин пускай на даче ржавеет.

- А почему на крышу нельзя? - спросил Игорь.

- Потому что вчера в неё молния вдарила. Через громоотвод, прямо к Андреичу в лабораторию. Ох и грохнуло. - Дед Федя покачал головой. - С тех пор он сам не свой ходит. Пойдём, я тебе его лабораторию покажу, чтоб знал. Шестой этаж, крайняя дверь. Если ночью там свет горит - значит, Андреич опять не ушёл, гони его домой. Вежливо, но гони.

- А если не уйдёт?

- Уйдёт, он тихий, скажешь: дед Федя велел. Хотя его сейчас на неделю домой отправили, после молнии. Так что если увидишь у него свет, гони вдвойне.

Лаборатория на шестом этаже была заперта. Игорь посмотрел на табличку: «Лаборатория высоких напряжений.

Посторонним вход запрещён. Опасно для жизни». Ниже кто-то от руки дописал маркером: «Особенно для посторонних».

- Это Андреич шутит, - объяснил дед Федя. - Он только так и шутит, на бумажках.

В коридоре у лестницы стоял новенький кофейный автомат, блестящий, с двенадцатью кнопками. Игорь остановился возле него. День выдался длинный, а впереди была вся ночь.

- Пользоваться-то умеешь? - спросил дед Федя с подозрением.

- Пункт сто восемнадцатый, - сказал Игорь. - Хранитель не страшится неизведанного, но встречает его лицом к лицу.

- Это ты про кофе?

- Это про всё.

Игорь бросил в прорезь монету и нажал кнопку с нарисованной чашкой. Автомат зажужжал, подумал и налил ему в стаканчик прозрачную жёлтую жидкость с плавающей в ней петрушкой.

- Бульон, - сказал дед Федя с удовлетворением. - Вот и Андреич говорит: ткнёшь, а что пьёшь, неизвестно. Умный человек.

Игорь выпил бульон, потому что пункт сто девятнадцатый запрещал хранителю бросать начатое, а пункт сто двадцатый запрещал расходовать припасы понапрасну. Бульон оказался неплохим.

Маруся, уборщица, встретила его в холле на первом эта-

же и сразу объяснила правила: где она моет, там не ходят, а если ходят, то вытирают сами, и неважно, кто ты - охранник, профессор или пожарный.

- А если пожар? - спросил Игорь.

- А если пожар, то ходи, - разрешила Маруся. - Но потом вытрешь.

- А если на меня нападут? - уточнил Игорь, просто чтобы знать границы.

- Кто на тебя нападёт?

- Ну, грабители.

Маруся оглядела холл, где блестел свежевымытый пол, и всерьёз задумалась.

- Пусть сначала ноги вытрут, - решила она. - А там разбирайся с ними как хочешь, только не на мокром.

Игорь мысленно поискал в уставе пункт про уборщиц и не нашёл. Это был первый за день случай, когда устав промолчал, и Игорь решил запомнить Марусю как явление особо опасное.

* * *

В два часа ночи институт был тёмным и гулким, как пустой бассейн. Дед Федя спал в своей будке у входа, накрывшись газетой, а Игорь обходил этажи, как положено новому охраннику и как требовал пункт двести девяносто третий о ночном дозоре.

Громомер он нёс в кармане куртки. Это был не большой прибор с подставки, а карманный, походный, размером с часы, выданный Сан Санычем под расписку. Стрелка на первом этаже стояла на единице. На втором и третьем тоже. На четвёртом она шевельнулась и легла на двойку. На пятом поднялась до четырёх.

На шестом этаже стрелка уехала к восьмёрке, и Игорь остановился посреди коридора.

Из-под двери лаборатории высоких напряжений пробивалась полоска света. Изнутри доносился голос. Кто-то разговаривал, негромко и рассудительно, но второго голоса Игорь не слышал, сколько ни прислушивался.

- ...ещё раз, - говорил голос. - Медленно. Если ты оптический эффект, то ты сдвинешься вместе с источником света. Если не сдвинешься, то я тебя запишу. Предупреждаю: мне неважно, кто ты, мне важно, чтобы ты повторялся.

Игорь бесшумно подошёл к двери и тронул ручку. Дверь была заперта изнутри, на защёлку, а с защёлками его учили обращаться ещё в одиннадцать лет. Он присел, достал из ботинка тонкую пластинку, и через полминуты защёлка тихо отщёлкнулась.

Пункт двести девяносто пятый: «Встретив в дозоре чужака, хранитель не вступает с ним в беседу, но обезвреживает и лишь затем вопрошает».

Игорь распахнул дверь и вошёл.

В лаборатории горела одна настольная лампа. У окна, спи-

ной к двери, стоял худой человек в мятом свитере, в очках и с деревянной школьной линейкой в руке. Он держал линейку перед собой в воздухе, очень осторожно, кончиками пальцев, и мерил ею пустоту. Рядом на табурете лежала раскрытая толстая тетрадь, а на полу у его ног темнело выжженное пятно странной формы.

Стрелка громомера в кармане Игоря дошла до упора и звякнула.

- Руки за голову! - сказал Игорь. - Охрана!

Человек вздрогнул, обернулся, и линейка в его пальцах качнулась вперёд, на ширину ладони, в пустоту перед окном. Её кончик исчез, как срезанный. Человек отдёрнул руку, и кончик появился обратно, но уже обугленный и дымящийся.

Дальше Игорь действовал по пункту двести девяносто пятому: два шага, захват, подсечка, и худой человек в свитере оказался на полу лицом вниз, а Игорь сверху, с его рукой в замке. Очки улетели под стол. Линейка покатилась к стене, оставляя за собой запах палёного дерева и почему-то корицы.

- Кто такой? - спросил Игорь. - Как сюда попал?

Человек на полу не сопротивлялся. Он повернул голову, сощурился близорукими глазами куда-то в сторону Игоря и сказал очень вежливо и очень серьёзно:

- Простите, пожалуйста. Вы не могли бы убрать ногу влево? Вы стоите прямо в аномалии.

Игорь посмотрел вниз. Его правый ботинок стоял точно

на выжженном пятне с тремя зубцами, похожими на бородку старого ключа. Ботинку было горячо, а от рукава куртки, которым он задел воздух перед окном, поднимался тонкий сладкий дымок.

Глава 3. Повторить эксперимент

Голова утром болела, и это было обидно, потому что накануне Олег записал в журнал обещание. Обещание в журнале имело силу документа, а документ, подписанный свидетелем, уже не отменишь, даже если свидетель об этом никогда не узнает. Олег полежал, глядя в потолок, и попробовал убедить себя, что болит не голова, а шея, и что про шею в журнале ничего не сказано. Не получилось: болело именно то, что было написано.

Он встал, умылся и на всякий случай не стал смотреть на настольную лампу. Лампа, судя по свету из-под абажура, продолжала гореть с выдернутой вилкой. Олег решил, что подумает об этом после врача.

В дверь позвонили в половине восьмого. Звонили так, как звонит только один человек на свете: короткими очередями, без пауз, словно звонок был грушей, а Варя отрабатывала на нём удар. Олег открыл. Варя стояла на пороге в спортивном костюме, с термосом в одной руке и пакетом в другой.

- Ты сам позвал, - сообщила она и вошла. - Письменно, в двадцать три пятьдесят две. У меня скриншот. Тренировка в одиннадцать, так что у тебя три часа моего внимания. Где у тебя чашки? Ой. А это что?

Она остановилась перед лампой, которая горела на столе, а вилка от неё лежала на полу.

- Это аномалия, - сказал Олег. - Я тебе вчера писал.

- Аномалия, - медленно повторила Варя и присела на корточки возле вилки. - А она не стукнет?

- Вилка обесточена, она ни к чему не подключена. Можешь трогать.

Варя потрогала вилку пальцем, потом взяла в руку, понюхала зачем-то, повертела и положила обратно.

- Холодная, - сказала она с уважением. - А лампа горит. Олежа, ты понимаешь, что ты теперь розетка? Ходячая. Тебя в поход можно брать. Телефоны заряжать, чайник греть, комаров... нет, комаров вряд ли.

- Я не хожу в походы.

- Вот именно. А теперь придётся, ты же ценный. - Варя поставила термос на стол рядом с лампой. - Вчера, когда свет вырубило, весь наш дом сидел со свечками, а папа нашёл в кладовке фонарик с девяностых, и он не работал. А у тебя в окне светло. Я маме показала, мама сказала: «Ну хоть кто-то в этой семье оплачивает счета вовремя». Я не стала её расстраивать.

- Варя, мне нужна твоя помощь, - сказал Олег. - Научная.

Варя села на стул верхом, положив руки на спинку, и посмотрела на него так, как смотрят на человека, который сам, без уговоров, записался на танцы.

- Повтори, - сказала она. - Только медленно. Я хочу запомнить этот день.

- Нужно смотреть и запомнить, что видела.

- Это я умею. Я на соревнованиях судьёй стою. Я с пятнадцати метров вижу, кто ногой мимо зацепки попал, а кто сделал вид, что так и задумано. Давай.

Олег налил в чайник воды, выдернул шнур из розетки, взял чайник в руки и посмотрел на часы. Через сорок секунд чайник зашумел. Через минуту и пятьдесят щёлкнул. Олег записал оба числа в журнал, налил кипяток в две чашки, одну поставил перед Варей, а журнал развернул к ней.

- Распишись, пожалуйста. Вот тут: «Свидетель».

- А зачем?

- Чтобы было известно, что это видел не только я. Если опыт видели двое, это уже наблюдение. Если один, это может быть галлюцинация.

- А если запись в журнале, то это документ? - уточнила Варя. - Ты сам говорил. Всё, что в журнале, имеет силу документа.

- Говорил.

- Ага, - сказала Варя и расписалась размашисто, с закорючкой, которая у неё с девятого класса заменяла подпись. Подумала и приписала снизу печатными буквами: «Свидетель также подтверждает: в воскресенье О. А. Сомов идёт на обед к родителям. Обещано». - Вот. Теперь документ.

- Я этого не обещал.

- А ты докажи, что это галлюцинация, - сказала Варя и отпила чаю.

* * *

Поликлиника встретила Олега тем, чего он боялся больше всего на свете, даже больше, чем просто незнакомых людей: незнакомыми людьми, сидящими в очереди. Они сидели вдоль стены, держали в руках бумажки и разговаривали друг с другом о болезнях с таким увлечением, с каким футбольные болельщики разговаривают о счёте. Олег взял талончик, сел в самый конец ряда и весь час ожидания смотрел в одну точку на противоположной стене, чтобы ни с кем не встретиться взглядом.

Утром ему ответил Dr. Zlo, и Олег перечитывал письмо в очереди, чтобы не думать о соседке справа, которая рассказывала про своё давление всему коридору.

«Уважаемый Олег!

Голова - это серьёзно, а линия - тем более. Если она не прошла, ни в коем случае её не меряйте, ничем, особенно тем, чего потом будет жалко. И не разговаривайте с ней: она всё равно не ответит, а вот вас могут услышать.

Я ничего не писал.

Ваш Dr. Zlo

P.S. Как погода сегодня?»

Олег разобрал письмо ещё дома. «Не меряйте тем, чего будет жалко» означало, что Dr. Zlo помнил историю с линейкой в разряднике и не советовал рисковать хорошим инстру-

ментом. Разумно. Олег решил, что возьмёт старую деревянную линейку, ещё школьную, которую ему было совершенно не жалко. «Не разговаривайте с ней, вас могут услышать» означало, что про линию не стоит рассказывать коллегам, а то решат, что после удара у него с головой непорядок. Тоже разумно. Врачу, решил Олег, тоже не стоит.

- Сомов! - крикнули из кабинета.

Терапевт оказалась немолодой женщиной в очках на цепочке. Звали её Галина Тимофеевна, и по её лицу было видно, что сегодня она уже слышала всё.

- Что беспокоит?

- Головная боль, - сказал Олег. - Средняя. Вчера в двадцать два сорок семь в меня попала часть разряда молнии через громоотвод. Сознание терял на пять-семь минут, по словам свидетеля.

Галина Тимофеевна подняла глаза от карточки.

- Молния?

- Часть молнии. Большая часть ушла в землю.

- А остальное?

- Остальное, по-видимому, в меня.

- И что ещё беспокоит, кроме головы?

Олег вспомнил про письмо Dr. Zlo и про лампу, которая горела у него дома без вилки, про чайник, телефон и чёрную линию у окна.

- Больше ничего, - сказал он.

Галина Тимофеевна сняла очки, потёрла переносицу, как

делают в конце длинной смены, и достала из ящика электронный тонометр. Она надела Олегу манжету на руку и нажала кнопку. Манжета накачалась, подумала, сдулась, и на экране появилось «120/80».

- Хорошее давление, - сказала Галина Тимофеевна. - Как у космонавта, и пульс шестьдесят. Ещё раз, для порядка.

Манжета накачалась, подумала, сдулась. На экране было «120/80, пульс 60».

- Надо же, - сказала Галина Тимофеевна. - Ну-ка на другую руку.

На другой руке было то же самое. Галина Тимофеевна посмотрела на тонометр с подозрением, сняла манжету с Олега и надела себе.

- У меня сегодня с утра сто пятьдесят было, - сказала она. - Сейчас посмотрим.

Тонометр показал «120/80, пульс 60». Галина Тимофеевна сняла манжету, положила её на стол, на стопку карточек, и нажала кнопку. Манжета на карточках накачалась, подумала и сообщила, что у стопки карточек давление сто двадцать на восемьдесят и пульс шестьдесят.

- Прибор старый, - сказала Галина Тимофеевна.

- Нет, - возразил Олег с неожиданной горячностью. - Прибор не старый. Он врёт, но врёт одинаково, независимо от объекта измерения. Это очень ценное свойство. Если бы он врал по-разному, ничего нельзя было бы сказать, а так ясно, что источник ошибки внешний. Можно я запишу?

Галина Тимофеевна посмотрела на него поверх очков на цепочке так долго, что Олег сам понял, что сказал лишнее. Потом взяла бланк и стала писать.

- Значит, так, - сказала она. - Сотрясение лёгкое, под вопросом. Покой, неделю дома, никаких нагрузок. Никакой работы, никаких экранов, никакой вашей физики. Спать, гулять, есть. Справку даю.

- Неделю? - У Олега пересохло во рту. - Дома?

- Дома.

- А если я буду работать очень тихо?

- Молодой человек, - сказала Галина Тимофеевна. - Вас ударила молния. Посидите неделю дома, потом поговорим. Следующий!

* * *

Справку Олег отнёс в институт, потому что так полагалось. Это была его первая ошибка за день. Заведующий лабораторией Павел Павлович прочитал справку, посмотрел на Олега, на чёрное пятно на полу лаборатории, о котором ему уже рассказали в трёх версиях, и отреагировал быстрее, чем Олег успел придумать возражения.

- Неделя дома, - сказал он. - И не спорь. Ещё не хватало, чтобы тебя тут вторая молния нашла. Отдыхай, Сомов, сходи в кино, съезди к родителям.

- Мне нужно закончить серию экспериментов.

- Через неделю закончишь.
- Мне нужно снять показания...
- Я сниму.
- Вы не знаете, какие.
- Значит, не сниму, - сказал Павел Павлович. - И ничего страшного не случится. Сомов, давай по-хорошему. У меня указание директора, а у директора звонок из профкома. Кто-то профкому рассказал, что в тебя молния попала, а ты наутро на работу пришёл. Ты знаешь, что будет, если профком решит, что ты пострадал на работе?

Олег знал. Профком у них в институте был грозой страшнее любой молнии: если он решал, что сотрудник пострадал на работе, сотрудника отправляли в санаторий, причём в путёвку входили массаж, лечебная физкультура и общение с отдыхающими. Олег представил себе общение с отдыхающими и согласился на неделю дома без возражений.

Но перед уходом он всё-таки попросил пять минут на то, чтобы «собрать личные вещи», и Павел Павлович, махнув рукой, ушёл. Олег запер дверь и повернулся к окну.

Трещина висела на месте. При дневном свете она выглядела ещё чернее, чем ночью, как дыра, прожжённая в фотографии. Олег приложил к стеклу рулетку, не касаясь самой линии, и прикинул на глаз: сантиметров одиннадцать. Вчера было меньше ладони, то есть девять, максимум десять. Значит, она растёт.

Олег достал из кармана пакет с тряпкой Маруси и пону-

хал. Корица держалась.

- Ты растёшь, - сказал он трещине. - Это плохо, потому что ты растёшь в моей лаборатории, а меня отсюда на неделю выгнали. Но это и хорошо, потому что ты меняешься, а всё, что меняется, можно измерить. Я вернусь.

Трещина, понятное дело, не ответила. Олег записал в журнал: «11:40. Длина около 11 см (на глаз), растёт. Собеседник неразговорчив».

* * *

Домой он не пошёл, а пошёл в кино, как советовал Павел Павлович, и просидел на дневном сеансе полтора часа, ничего не видя. Фильм был про космос. Олег насчитал в нём девятнадцать нарушений законов физики, два из них настолько грубых, что ему захотелось написать режиссёру. После кино он погулял в парке, потому что это советовала Галина Тимофеевна, и обнаружил, что гулять без цели он не умеет: ноги сами вынесли его на Кирпичную, к серому зданию с колоннами и высоким шпилем на крыше.

Он постоял на другой стороне улицы и посмотрел на шпиль. Dr. Zlo писал «не смотрите на крышу», но Олег уже решил, что это шутка про старый громоотвод, а смотреть на шутку можно сколько угодно. Шпиль был тёмный, высокий, и наверху, там, где крепился к нему медный провод, расходился на три коротких зубца. Олег прищурился. Раньше он

этих зубцов не замечал, хотя ходил под шпилем шесть лет.

В девять вечера дед Федя вышел на крыльцо проверить, не собирается ли опять гроза, увидел Олега на той стороне улицы и погрозил ему фонариком.

- Андреич! А ну домой! Мне Пал Палыч сказал, что тебе неделю нельзя!

- Я просто гуляю, Фёдор Ильич!

- Гуляй в другую сторону!

Олег послушно перешёл улицу, получил от деда Феди мятный леденец и строгое напутствие, был проведён до угла и отпущен в сторону дома. Дошёл он до следующего угла, свернул во двор и через двадцать минут уже стоял у задней двери института, той, что выходила на хозяйственный двор.

Задняя дверь не запиралась с две тысячи одиннадцатого года, когда старый замок сломался, а новый Борис Семёнович так и не выписал, потому что для этого нужно было распоряжение директора. Распоряжения директора пока не было, потому что пожара тоже пока не было. Олег знал об этом, как знали все аспиранты, которым случалось работать по ночам. Он проскользнул внутрь, поднялся по чёрной лестнице на шестой этаж, открыл лабораторию своим ключом и запер её изнутри на защёлку.

* * *

К двум часам ночи журнал пополнился шестью страни-

цами. Олег выяснил, что трещина не сдвигается, если посветить на неё лампой с любой стороны. Значит, она не была оптическим эффектом. Термометр, поставленный на подоконник, показывал двадцать один градус, а такой же термометр, подвешенный на нитке в пяти сантиметрах от трещины, показывал сорок три. Через десять минут - сорок четыре. Звук был: если приблизить к трещине ухо, слышалось что-то вроде далёкого шума, похожего на шум моря или большого скопления людей, которые все говорят одновременно. Отдельных слов Олег не разобрал.

Оставалась длина. Рулетка давала только прикидку на глаз, а Олегу нужна была точность. Он достал деревянную школьную линейку, ту самую, которую не жалко, и осторожно поднёс её к трещине, параллельно, не касаясь.

- Ещё раз, - сказал он трещине вслух. - Медленно. Если ты оптический эффект, то ты сдвинешься вместе с источником света. Если не сдвинешься, то я тебя запишу. Предупреждаю: мне неважно, кто ты, мне важно, чтобы ты повторялась.

О совете Dr. Zlo не разговаривать с линией Олег вспомнил ровно в тот момент, когда за спиной хлопнула дверь, запертая, как он думал, на защёлку.

- Руки за голову! Охрана!

Олег вздрогнул, обернулся, и линейка у него в пальцах качнулась вперёд. Кончик её ушёл в трещину и пропал. Олег отдёрнул руку. Кончик появился обратно, обугленный и ды-

мящийся, а в следующее мгновение пол лаборатории оказался у Олега прямо перед носом, рука в чьём-то крепком замке, и очки улетели под стол.

- Кто такой? - спросил голос сверху. - Как сюда попал?

Голос был молодой и сердитый. Олег, лёжа щекой на линолеуме, попытался разглядеть его хозяина, увидел только размытый тёмный ботинок, стоящий прямо на выжженном пятне, и понял две вещи. Во-первых, его скрутил не дед Федя. Во-вторых, этот ботинок нужно было срочно убрать.

- Простите, пожалуйста, - сказал Олег очень вежливо. - Вы не могли бы убрать ногу влево? Вы стоите прямо в аномалии.

Ботинок поспешно отступил. Хватка на руке ослабла, но не исчезла.

- В какой ещё аномалии?

- В которой у вас только что рукав задымился. Посмотрите на левый рукав.

Сверху замолчали. Потом хватка отпустила совсем, и Олег сел, моргая. Перед ним стоял парень лет двадцати пяти, коротко стриженый, в чёрной форменной куртке охранника, которая была ему немного мала в плечах. Он хлопал себя по рукаву, откуда поднималась тонкая струйка сладкого дыма.

- Очки под столом, - сказал парень, не глядя на Олега. - Доставай, только медленно. Кто такой?

- Сомов, Олег Андреевич, научный сотрудник этой лаборатории. - Олег нашарил очки и надел их. Мир собрался обратно. - А вы кто? Вас тут вчера не было.

- Ветров, охрана, с сегодняшнего дня. - Парень наконец перестал хлопать по рукаву и посмотрел на Олега тяжёлым, недоверчивым взглядом. - Научный сотрудник, значит. Мне сказали, научный сотрудник этой лаборатории в девять часов ушёл домой с больной головой. Лично дедом Федей проведён до угла.

- Я вернулся.

- Как?

Олег замялся. Выдавать заднюю дверь, которой пользовались три поколения аспирантов, было бы предательством.

- Через обстоятельства, - сказал он.

- Каких ещё обстоятельств?

- Исторически сложившихся. В них замешаны три поколения аспирантов, и я не имею права их выдавать.

Ветров посмотрел на него пристально, а потом неожиданно кивнул.

- Ладно, - сказал он. - Своих не выдают, это понятно.

- Пропуск есть?

Олег показал пропуск. Ветров взял его, рассмотрел с обеих сторон и вернул.

- Пропуск до двадцати одного ноль-ноль, - сказал он. - Сейчас два ноль восемь. Инструкция охраны, пункт... - Он запнулся. - Первый. Посторонних в здании после закрытия быть не должно.

- Я не посторонний, я тут работаю.

- После девяти вы тут посторонний. Собирайтесь, прово-

жу.

- Подождите. - Олег поднялся и встал между охранником и окном, хотя сам не понял, зачем. - Скажите, пожалуйста, а вы её видите?

- Кого?

- Аномалию. Вон там, перед окном, на уровне лица.

Охранник посмотрел туда, куда показывал Олег. Олег внимательно следил за его лицом. Лицо Ветрова не изменилось, но смотрел он не куда-то в окно, на крыши и филармонию, а точно в одну точку в полуметре от стекла.

- Ничего не вижу, - сказал Ветров.

- Вы врёте, - сказал Олег.

- Чего?

- Извините, я неправильно выразился. Вы говорите неправду, - поправился Олег. - Вы смотрите прямо на неё, а не на окно. Когда человек ничего не видит, он смотрит в окно, на дальний план, у него глаза фокусируются на бесконечность. Я сегодня проверил на деде Феде и на Павле Павловиче. А вы смотрите на расстояние около метра. И у вас дымился рукав.

Ветров перевёл взгляд на Олега, и Олег пожалел, что начал этот разговор.

- Ну, допустим, - медленно сказал Ветров. - Допустим, вижу. Что-то вроде марева, как над асфальтом в жару. И что?

- Значит, нас двое! - Олег схватил с табурета журнал и раскрыл на последней странице. - Простите, это очень важ-

но. Дед Федя её не видит совсем, Маруся видит паутину, я - чёрную линию, а вы - марево. Значит, это не галлюцинация, а реальный объект, который разные наблюдатели воспринимают по-разному. Вы не могли бы расписаться как свидетель?

- Где?

- Вот тут, где «Свидетель». Можно просто фамилию.

Ветров посмотрел на журнал. Олег успел заметить, как у него напряглись плечи под тесной курткой. Потом Ветров взял ручку, подумал и вывел: «И. Ветров, охрана». Отдал ручку обратно, но журнал из рук не выпустил и некоторое время держал его так, что Олегу стало не по себе.

- А это что у вас? - спросил Ветров, кивая на исписанные страницы. - Всё про неё?

- Всё, шесть страниц за сегодня.

- Кто ещё это читал?

- Никто, это мой рабочий журнал.

- Хорошо, - сказал Ветров и отпустил журнал. Олег так и не понял, что именно в этом было хорошего.

Трещина зашуршала.

Оба обернулись. Звук был тихий и сухой, похожий на шорох крупы, которую сыплют из пакета. Из чёрной линии, ровно из её середины, тонкой непрерывной струйкой сыпался песок. Жёлтый, мелкий, он падал на подоконник и собирался там в аккуратную горку, похожую на нижнюю половину песочных часов. От горки поднимался тёплый воздух, и снова, ещё сильнее, запахло корицей.

Термометр на нитке рядом с трещиной показывал пятьдесят один.

Олег и охранник стояли и смотрели на песок. Струйка не кончалась.

- Это что? - спросил Ветров.

- Песок, - сказал Олег, не отрывая глаз от подоконника.

- Я вижу, что песок. Откуда?

Олег посмотрел на термометр, на горку, на трещину и на тряпку Маруси в пакете, которая всё ещё пахла пряностями.

- Если судить по температуре, - сказал он, - то с юга. С очень далёкого юга. - Он протянул охраннику журнал и ручку. - Распишитесь, пожалуйста, ещё раз. И если можно, допишите: «Маруся будет ругаться». Она будет, а я хочу, чтобы это тоже было зафиксировано заранее.

Глава 4. Крыша

Научного сотрудника Сомова Игорь выпроводил через главный вход в двадцать минут третьего, и на это ушло больше сил, чем на захват.

Сначала Сомов отказывался уходить без образца. Он хотел насыпать песок с подоконника в пакет, подписать пакет, взвесить, сфотографировать и, кажется, отправить почтой в три разных института. Игорь пакет не разрешил. Тогда Сомов попросил хотя бы спичечный коробок. Игорь не разрешил и коробок. Сомов посмотрел на него как на инквизитора и сказал:

- Вы понимаете, что это первый в истории науки песок, который выпал из пустоты?

- Понимаю, - сказал Игорь. - Поэтому и не разрешаю.

- Это нелогично.

- Это инструкция.

- Какая?

- Охраны, - сказал Игорь, у которого перед глазами стоял пункт пятьдесят восьмой устава: «Всякое вещество неведомого происхождения, найденное в дозоре, оставлять на месте до прибытия старших и не давать прикасаться к нему непосвящённым». Слово «непосвящённым» Сомову знать было не нужно.

- А если я напишу заявление на имя начальника охраны?

- не сдавался Сомов. - С просьбой разрешить вынос образца в научных целях?

- Начальник охраны у нас дед Федя.

- Я знаю. Я напишу ему очень вежливо.

- Он подпишет, - согласился Игорь. - Он всё подписывает, если вежливо. Поэтому заявление вы ему напишете утром, а сейчас пойдёте домой.

- Утром Маруся вымоет подоконник.

- Значит, науке не повезло, - сказал Игорь и открыл перед ним дверь на лестницу.

Сомов сдался на лестнице между пятым и четвёртым этажом, но спускался медленно, оглядываясь. У двери он остановился.

- Простите, - сказал он. - Можно последний вопрос?

- Можно.

- Вы ведь не просто охранник?

- Просто, - сказал Игорь.

- Понятно, - сказал Сомов. - Простите, что я вас... что вы меня... Простите за беспокойство. Спокойной ночи.

Он ушёл в темноту, худой, ссутуленный, с толстой тетрадью под мышкой. Игорь закрыл за ним дверь и некоторое время стоял в тёмном холле, слушая, как в будке у входа похрапывает дед Федя.

* * *

У устава был пункт семьдесят седьмой, и Игорь его не любил. Пункт назывался «О приметах лиходея, посягнувшего на тайну» и состоял из пяти подпунктов. Игорю всегда казалось, что их писал человек, который ни разу в жизни не встречал живого лиходея, а составлял описание по рассказам испуганной бабушки.

Тем не менее пункт существовал, и Игорь, сидя на ступеньке в холле, достал книжечку и проверил по нему Сомова.

Подпункт первый: «Скрытен». Сомов попал в запертый институт после закрытия и не сказал как. «Через обстоятельства». Скрытен. Игорь поставил на полях мысленную галочку.

Подпункт второй: «Бодрствует в ночи и в ночи же творит». Два часа ночи, лаборатория, линейка. Галочка.

Подпункт третий: «Владеет знанием, коему не учат открыто». Тут Игорь задумался. Физике учат открыто, в школе, Игорь сам учил её до восьмого класса, пока Сан Саныч не решил, что дальше ему хватит. Но шесть страниц про трещину - этому точно нигде не учат. Ладно, галочка.

Подпункт четвёртый: «Имеет сообщников». В журнале у Сомова стояли подписи свидетелей. Кудрявцев, какая-то В. Сомова с закорючкой и припиской про воскресный обед и

теперь вот он сам, И. Ветров. С формальной точки зрения сообщников у Сомова было трое, включая его самого. Игорь поставил галочку и поморщился.

Подпункт пятый: «Речи его дерзки, и взор его дерзок». Игорь вспомнил разговор. Сомов сказал ему «вы врёте» и тут же поправился, извинился и объяснил, что правильнее говорить «вы говорите неправду». За десять минут он извинился семь раз. Игорь посчитал. Взора у Сомова не было вовсе, потому что очки улетели под стол, а без очков он смотрел куда-то в сторону батареи.

Четыре галочки из пяти. По уставу этого хватало, чтобы доложить о подозреваемом.

Игорь закрыл книжечку и представил себе, как докладывает Совету: «Подозреваемый скрытен, бодрствует в ночи, владеет знанием и имеет сообщников. Сообщники - сторож, сестра, которая расписывается в журнале закорючкой, и я. Подозреваемый просил меня расписаться, что я видел его преступление, и дважды извинился за то, что я его скрутил». Беляев приедет на двух грузовиках, и на всякий случай отправят всех сажать кабачки.

Нет. Заговорщик не собирает подписи свидетелей. Человек, который пробил дыру в другой мир, не стоит в два часа ночи с деревянной линейкой и не спрашивает дыру, не будет ли она так любезна повториться. Сомов был не тем, кого ищет Орден. Он был тем, кто нашёл это раньше Ордена и не понял, что нашёл.

«Слишком несуразный», - записал Игорь на полях устава карандашом, возле пункта семьдесят седьмого, и вычеркнул Сомова из подозреваемых. Это был первый раз за шестнадцать лет, когда он написал что-то на полях устава, и ему стало неловко, будто он подрисовал усы портрету.

* * *

Сан Саныч взял трубку после девятого гудка.

- Если ты не умираешь, - сказал он, - то я тебя сейчас сам...

- Не умираю, - быстро сказал Игорь. - Докладываю: нашёл.

В трубке помолчали. Потом заскрипела кровать, и голос стал бодрее.

- Что нашёл?

- Не знаю, дыра. В воздухе, в лаборатории на шестом этаже, у окна. Её видно, если знать, куда смотреть. Громомер у неё упирается в край шкалы. Из неё сыплется песок, горячий, пахнет корицей.

- Корицей, - повторил Сан Саныч.

- Корицей.

- А источник? Кто сделал?

- Никто не сделал. Молния ударила в громоотвод, через громоотвод пошла в лабораторию. Там сидел учёный с катушкой, ему досталось. Я его видел, он не заговорщик.

- Это ты как понял?

- По пункту семьдесят седьмому.

- И что, не подходит?

- Подходит на четыре из пяти. Но он слишком несуразный.

Сан Саныч опять помолчал, на этот раз дольше.

- Такого подпункта нет, - сказал он.

- Знаю, я его дописал.

- Ну-ну, - сказал Сан Саныч, и Игорь не понял, похвалили его или нет. - Ладно. Учёного не трогай, дыру не трогай, песок тем более. Утром доклад в Совет, я приду. До утра сиди тихо.

- А на крышу можно?

- Зачем тебе на крышу?

- Молния ударила в громоотвод, а громоотвод на крыше. Если источник где-то есть, то он там, а не в лаборатории. - Игорь помолчал и добавил: - И справка у Крохи. Там нарисован шпиль. А у них на крыше шпиль.

- Крохе показывал?

- Нет ещё.

- И не показывай пока, - сказал Сан Саныч так быстро, что Игорь удивился. - Сначала мне. А на крышу... Устав что говорит?

- Пункт сто сорок второй. Хранитель, дабы обозреть местность, восходит на высоту.

- Ну и восходи, раз устав, - сказал Сан Саныч и зевнул так, что в трубке щёлкнуло. - Только не навернись оттуда. Тебя Совет в охранники устроил, а не в покойники. Отбой.

* * *

Ключ от чердака висел у деда Феди на шее, на шнурке, рядом с очками. Дед Федя спал в будке, откинувшись на спинку стула и накрыв лицо газетой «Вечерний город», которая поднималась и опускалась в такт храпу.

Игорь подошёл бесшумно, как учили. Шнурок завязан простым узлом, ключ на кольце, кольцо можно снять, не развязывая узла, если делать это двумя пальцами и очень медленно. Игорь присел, протянул руку, взялся за кольцо и начал тянуть.

- До шести вернёшь, - сказал дед Федя из-под газеты.

Игорь застыл.

- И на крышу не ходи, - добавил дед Федя, не открывая глаз, если они у него вообще были открыты под «Вечерним городом». - Там скользко после дождя.

- Я... на обход, - сказал Игорь.

- На обход ключ от чердака не нужен. Ладно уж, иди. Только Марусе не говори, она меня съест.

- А вы почему не спите? - спросил Игорь, так и не выпустив ключ.

- Я сплю, - сказал дед Федя. - Я так, сынок, сорок лет сплю. Сторож, который спит крепко, в сторожах долго не ходит. Ты думаешь, ты первый за этим ключом пришёл? Аспиранты его у меня каждую весну тянут, на крыше загорать. Один

раз даже студентка с геофака пыталась, ей облака фотографировать надо было.

- И что вы им говорили?

- То же, что тебе: до шести вернёшь. - Газета качнулась. - Они возвращали. И ты вернёшь, ты парень ответственный, я по ботинкам вижу.

- При чём тут ботинки?

- Начищены. Кто на ночное дежурство в начищенных ботинках приходит, тот и ключи возвращает.

Газета снова начала подниматься и опускаться. Игорь стоял с ключом в руке и пытался найти в уставе пункт о том, что делать, если тебя поймали на краже и тут же разрешили красть дальше. Такого пункта не было.

* * *

Чердак был длинный, пыльный и тёмный, с низкими балками, о которые Игорь дважды приложился головой, прежде чем догадался пригнуться. Пахло голубями, старым деревом и почему-то грозой, хотя гроза прошла сутки назад. Посередине чердака, вдоль конька крыши, тянулся толстый медный провод в зелёной окиси. Провод уходил одним концом вниз, в перекрытие над лабораторией, а другим вверх, к люку.

Карманный громомер, который Игорь держал перед собой, показывал семь делений у самого люка, восемь под ним и девять, когда Игорь откинул крышку и высунул голову на-

ружу.

Город спал. Крыши старого центра блестели после дождя, а над филармонией висела половинка луны, бледная и неторопливая. Крыша института была плоская, покрытая рубероидом, с невысоким бортиком по краю. Посередине, на квадратном каменном основании, стоял шпиль.

Снизу он казался тонким, но вблизи Игорь понял, что это обман высоты. Основание было в обхват толщиной, тёмный металл без единого пятна ржавчины, хотя за девяносто лет на крыше ржаветь было когда. Чуть выше человеческого роста шпиль сужался и уходил вверх метров на шесть. Наверху он расходился тремя зубцами, неровными, как бородка ключа от старого сарая. Медный провод был прикручен к основанию грубым хомутом, явно позже, явно на скорую руку.

Игорь подошёл и положил на металл ладонь.

Металл был тёплый. Не горячий, как песок, а живой, как бок лошади. И он гудел, совсем тихо, на самой нижней ноте, которую человек не слышит ухом, а чувствует костями.

На металле были знаки. Их почти стёрло ветром, но под ладонью они проступали, если вести пальцами: линии, точки, короткие зарубки. Игорь достал из книжечки справку Крохи и развернул. Шпиль с тремя зубцами, под ним значки. Он сравнил их со знаками на основании, и у него пересохло во рту. Один значок совпадал точно, второй почти, третий стёрся, но мог быть тем же.

«Стоит, где ловят небо», - вспомнил Игорь.

- Простите, пожалуйста, - сказали у него за спиной. - Вы не могли бы чуть-чуть подвинуться? Вы закрываете мне отметку.

Игорь развернулся так быстро, что чуть не уронил громомер.

У бортика, в трёх шагах от него, стоял человек. Средних лет, среднего роста, в бежевом плаще и аккуратной шляпе с узкими полями. В одной руке у него была раскрытая кожаная папка, в другой - рулетка. Конец рулетки, жёлтая металлическая лента, тянулся по рубероиду к основанию шпиля и упирался в камень в двух сантиметрах от ботинка Игоря.

- Вы кто такой? - спросил Игорь.

- Прошу прощения, я не представился. - Человек сунул рулетку под мышку, вынул из папки визитную карточку и протянул её Игорю с лёгким поклоном. - Аркадий Львович. Комиссия по имуществу.

На карточке было написано: «Аркадий Львович. Комиссия по имуществу». Больше ничего: ни фамилии, ни телефона, ни адреса.

- Какому имуществу? - спросил Игорь.

- Вот этому. - Аркадий Львович с уважением показал папкой на шпиль. - Объект ставится на учёт, мы проводим предварительный обмер. Ночью, знаете ли, меньше помех, никто не ходит, голуби спят. Простите, а вы, собственно...

- Охрана.

Лицо Аркадия Львовича просияло, как у человека, кото-

рый полдня простоял в очереди и наконец попал к нужному окошку.

- Охрана! Вот это удача, значит, вы ответственное лицо.

- Я не...

- Вы находитесь на объекте при исполнении, следовательно, являетесь ответственным лицом с Земной стороны. - Аркадий Львович полистал папку. - Это очень облегчает дело. Без ответственного лица вручение пришлось бы проводить в присутствии понятых, а понятые, между нами говоря, у нас народ тяжёлый. Вот. - Он вынул из папки длинный конверт плотной серой бумаги и протянул Игорю. - Уведомление номер один. О предстоящей описи и последующих мероприятиях.

Игорь конверт не взял. Он смотрел на Аркадия Львовича и пытался понять, что с ним не так.

Человек был вежливый, обыкновенный, немного похожий на налогового инспектора из старого кино. На нём был сухой плащ и сухие туфли, хотя минуту назад Игорь сам чуть не поскользнулся на мокром рубероиде. И ещё была тень. Половинка луны висела над филармонией, за спиной у Аркадия Львовича, и тень его должна была лежать на крыше перед ним, к ногам Игоря. А она лежала сзади, у бортика, и тянулась от Аркадия Львовича к луне, как стрелка компаса к северу.

Сан Саныч говорил: смотри туда, куда я не хочу, чтобы ты смотрел. Аркадий Львович очень хотел, чтобы Игорь смот-

рел на конверт.

- Пункт двести девяносто пятый, - сказал Игорь и шагнул вперёд. - Встретив в дозоре чужака...

- Простите, - сказал Аркадий Львович и не сдвинулся с места. - Я не чужак, я комиссия. Чужак - это когда без документов. У меня документы есть, вот они, пожалуйста. А вот у вас, молодой человек, документов на этот объект нет. И у вашего Ордена тоже нет. Я проверял.

Игорь остановился.

- Какого Ордена?

- Того самого, - мягко сказал Аркадий Львович. - У которого полное издание устава в четыреста двенадцать пунктов, а в Совете три человека и засохший фикус. Не волнуйтесь, у нас на учёте всё, что существует больше ста лет. Фикус тоже. - Он снова протянул конверт. - Возьмите, пожалуйста. Мне ведь тоже неприятно стоять тут ночью с протянутой рукой. Я человек подневольный, у меня регламент.

Игорь взял конверт. Просьбы Аркадия Львовича были тут ни при чём: в уставе не было пункта о том, что делать с вежливым врагом, который знает про фикус, и Игорю нужно было время, чтобы подумать.

- И распишитесь, пожалуйста, в получении. - Аркадий Львович подал ему корешок и ручку. - Вот здесь. Можно просто фамилию и должность.

- Вторую расписку за ночь с меня берут, - сказал Игорь сквозь зубы.

- Правда? - Аркадий Львович заинтересованно поднял брови. - Это хорошо. Это значит, вы ответственный человек, а с ответственными людьми работать одно удовольствие. С безответственными у нас обычно работают понятые.

Игорь расписался: «И. Ветров, охрана». Аркадий Львович бережно забрал корешок, подул на чернила и убрал его в папку.

- Благодарю. Сроки и порядок указаны в уведомлении. Учёного известите сами, или я лично зайду, как вам удобнее. Хотя лучше лично, у нас для носителей отдельная форма.

- А если я вас сейчас с этой крыши спущу? - спросил Игорь. - По пожарной лестнице, без всякого регламента.

- Это ваше право, - вежливо сказал Аркадий Львович. - В регламенте на такой случай отдельный раздел, двенадцать страниц. Очень советую прочитать, там всё изложено доходчиво. - Он подумал и добавил: - Хотя, по опыту, затруднять работу Комиссии берутся как раз те, кто его не читал. Те, кто прочитал, обычно ограничиваются жалобой.

- А жалобу куда подавать?

- Мне, - сказал Аркадий Львович. - Я её и рассмотрю, в установленные сроки.

- Носитель - это кто? - спросил Игорь, хотя уже догадывался.

- Тот, через кого прошло, - охотно объяснил Аркадий Львович. - Объект без носителя не работает, носитель без объекта тоже, поэтому по регламенту их изымают вместе,

в комплекте. Вы, кстати, сегодня обошлись с носителем не очень бережно. На полу, лицом вниз. - Он укоризненно покачал головой. - Я понимаю, служба. Но носитель порче не подлежит, это прямо сказано в уведомлении. Постарайтесь больше так не делать, иначе мне придётся составлять акт.

- Откуда вы знаете, что я...

- У нас на учёте всё, - терпеливо повторил Аркадий Львович, как повторяют ребёнку, который спросил второй раз. - Даже фикус.

Он смотал рулетку, прижал папку к груди и вежливо приподнял шляпу. - Не провожайте, там мокро.

Он повернулся и пошёл к краю крыши, туда, где на стену выходила пожарная лестница. Игорь двинулся следом и через три шага понял, что идти за ним не может: ноги стали тяжёлыми, как во сне, когда бежишь, а земля едет назад. Аркадий Львович дошёл до бортика, перешагнул его, взялся за поручень лестницы, ещё раз вежливо кивнул и начал спускаться.

Тяжесть в ногах отпустила. Игорь в три прыжка оказался у бортика и перегнулся через него.

Пожарная лестница уходила вниз по стене, мокрая, ржавая и пустая до самой земли. Внизу, в хозяйственном дворе, горел один фонарь. Под ним никого не было.

Игорь отошёл от края, сел на мокрый рубероид у подножия шпиля и вскрыл конверт. Металл за спиной тихо гудел. Громомер в кармане показывал девять.

Внутри был один лист плотной серой бумаги, отпечатанный ровным машинописным шрифтом, какого Игорь не видел даже в архиве у Крохи.

«УВЕДОМЛЕНИЕ № 1

о предстоящей описи объекта и последующих мероприятиях

Настоящим уведомляем ответственное лицо Земной стороны, что объект (шпиль металлический, с трёхзубцовым навершием, далее - Объект), а также его носитель ставятся на учёт Канцелярией Его Тёмного Величества.

Опись Объекта будет проведена в установленные регламентом сроки. О дате изъятия будет сообщено дополнительно (Уведомление № 2).

Просим обеспечить свободный доступ к Объекту, не допускать порчи Объекта и носителя, а также воздержаться от действий, затрудняющих работу Комиссии.

Регламент проведения мероприятий прилагается (на 46 листах, выдаётся по запросу).

Вручено: И. Ветров, охрана. 04:12.

С уважением, Аркадий Львович, Комиссия по имуществу».

Игорь перечитал последнюю строчку ещё раз. Его фамилия, должность и время были не вписаны от руки, а отпечатаны тем же ровным шрифтом, что и всё остальное.

Он посмотрел на часы. Было четыре часа тринадцать минут.

Глава 5. Комиссия по имуществу

Песок нашёлся в ботинках.

Олег обнаружил его утром, когда собирался вытряхнуть из обуви вчерашний дождь, и сначала не поверил. Потом поверил, но решил, что это обычный песок со двора. Потом высыпал его на белый лист бумаги и понял, что во дворе такого не бывает. Песчинки были жёлтые, почти золотые, и круглые, как бисер, ни одной острой грани. Олег поднёс лист к носу. Корица.

- Образец получен законно, - сказал он ботинкам. - Он сам туда насыпался, я ничего не брал.

Охранник Ветров, наверное, с этим бы не согласился, но охранника Ветрова здесь не было, а на сто процентов законность происхождения образца Олега сейчас не волновала. Его волновало, что под старым школьным микроскопом, который он достал с антресолей, одна песчинка из двадцати оказалась не жёлтой, а медно-красной, и когда Олег тронул её кончиком иглы, между иглой и песчинкой проскочила крошечная синяя искра.

Он записал это в журнал, отложил иглу и некоторое время сидел, глядя на стену.

Телефон зазвонил в девять. На экране было написано «Мама». Олег смотрел на экран, пока телефон не замолчал, а потом смотрел на него ещё минуту, пока не пришло сооб-

щение: «Олег, ты живой? Фёдор Ильич сказал, в тебя попала молния. Перезвони». Олег напечатал «Живой, всё в порядке, перезвоню», подумал и стёр «перезвоню», потому что это было бы обещание, а обещания он теперь записывал в журнал.

В десять телефон зазвонил снова, и на экране было написано «Институт, общий». Олег схватил трубку раньше, чем успел испугаться: из института просто так не звонят, а в лаборатории у окна осталась трещина, и что она успела натворить за ночь без него, Олег не знал. Он уже представил себе Марусю со шваброй наперевес, Бориса Семёныча с бумажкой и пожарных, когда в трубке сказали:

- Олег Андреевич? - Голос был женский, ласковый и неумолимый, как у всех бухгалтеров, когда они чего-то хотят. - Людмила Ивановна беспокоит. Вы у нас на больничном?

- Да, на неделю.

- Мне Павел Павлович сказал. Вы справочку-то принесли, а бумаги не подписали. Я к вам человека пришлю, хорошо? Он вам всё привезёт, вы распишетесь, где галочки, и он заберёт. Чтоб вам не ходить.

- Я могу прийти сам.

- Вам нельзя, у вас сотрясение. Павел Павлович сказал, чтобы вас в институт не пускать. И профком интересуется.

Олег похолодел.

- Профком?

- Ну а как же. Спрашивают, не нужна ли путёвочка. В санаторий. «Сосновый бор», очень хороший, там массаж, бассейн, танцы по вечерам.

- Не нужна, - сказал Олег очень твёрдо. - Ни в коем случае. Передайте профкому, что я абсолютно здоров. Практически.

- Практически - это как? - насторожилась Людмила Ивановна. - У нас в профкоме «практически» пишут как «нуждается».

- Это значит, что я здоров с точностью до погрешности.

- А погрешность большая?

- Небольшая. Меня ударило молнией, но не всего.

- Ой, - сказала Людмила Ивановна с таким участием, что Олег понял: путёвка стала на шаг ближе.

- Ну, это вы человеку скажете, который придёт. До свидания, Олег Андреевич, выздоравливайте!

Олег положил телефон и пошёл проверять почту, чтобы успокоиться. Письмо от Dr. Zlo пришло в шесть утра.

«Уважаемый Олег!

Если к вам придёт очень вежливый человек с бумагами, ничего не подписывайте. Особенно если он попросит расписаться. Особенно если будет очень-очень вежлив.

Вежливость вообще не всегда хорошо, хотя я сам человек вежливый, но это совсем другое.

Я ничего не писал.

Ваш Dr. Zlo

P.S. Как погода? И как ваша тень?»

Олег перечитал письмо и почувствовал, как его охватывает благодарность. Вежливый человек с бумагами, который попросит расписаться. Конечно, Людмила Ивановна и профком. Санаторий «Сосновый бор» с танцами по вечерам. Dr. Zlo, по-видимому, сам когда-то работал в институте с профкомом и знал, чем это кончается.

«Спасибо, коллега, - написал Олег. - Предупреждение получено. Подписывать не буду ничего, даже если очень попросят. Тень в порядке, я проверил: лежит, как положено. Погода: пасмурно».

Он действительно проверил. Включил верхний свет, встал посреди комнаты и посмотрел на пол. Тень лежала от лампы, куда ей и полагалось. Олег записал: «Тень в норме», хотя совершенно не понимал, зачем Dr. Zlo об этом спрашивал.

* * *

К полудню Олег выяснил, что настольная лампа горит без вилки, только пока он находится от неё ближе чем на четыре метра. Если отойти дальше, лампа тускнеет, а на шести метрах гаснет совсем. Для точных замеров его квартиры не хватало, и он вынес лампу на лестничную клетку.

На лестнице было восемь ступенек между площадками, по двадцать сантиметров в каждой, а с рулеткой мерить вдоль ступенек было неудобно. Олег поставил лампу на площадку четвёртого этажа, протянул от неё рулетку и начал

медленно спускаться задом наперёд, глядя на абажур.

- Олежа, - сказали снизу. - Ты что делаешь?

Олег обернулся. На площадке третьего этажа стояла Варя с пакетом из аптеки и пакетом из магазина, и по тому, как она держала оба, было видно, что её прислала мама.

- Измеряю радиус действия аномалии, - сказал Олег.

- Задом наперёд? По лестнице? - Варя поставила пакеты на ступеньку. - Олежа, у меня на тренировках даже дети так не ходят, а им по восемь лет. Давай сюда.

- Что?

- Рулетку. Я держу у лампы, ты стоишь внизу и смотришь. Или наоборот, ты держишь, а я хожу, я быстрее.

- Ходить надо мне. Аномалия во мне.

- Ну так стой и смотри на неё, а я подержу. - Варя забрала у него конец рулетки и, вместо того чтобы подняться по ступенькам, перелезла через перила и повисла снаружи, на руках, прямо над пролётом. - Так точнее, тут ровно, без ступенек. Спускайся. Я говорю, когда тускнеет.

- Варя, слезь.

- Я с семи метров без страховки ничего не делаю, а тут шесть. Спускайся, говорю.

Олег решил, что спорить дольше, чем мерить, и стал спускаться. С помощницей дело пошло быстрее. Варя перехватывалась по перилам снаружи, держа рулетку у лампы, и громко докладывала, что лампа «горит», «горит, но уже грустно», «еле-еле» и «всё, сдохла».

- Пять восемьдесят семь, - записал Олег. - Спасибо, ты очень помогла.

- А зачем тебе это?

- Чтобы знать.

- Ты всегда так говоришь, когда не знаешь. - Варя перемахнула обратно через перила и спрыгнула на площадку. - Слушай, а налобник мой зажжёшь? Он у меня третий день не горит, я батарейки забыла купить.

Она вытащила из кармана куртки налобный фонарь на резинке, потёртый, с наклейкой в виде горы. Олег взял его в ладонь. Фонарь подумал секунду и вспыхнул так, что Варя зажмурилась.

- Без батареек, - сказала она. - Олежа. Ты понимаешь, что ты сейчас сделал?

- Это, по-видимому, поле.

- Это, по-видимому, бесплатное освещение. - Она забрала фонарь, и он погас у неё в руке. - Ой. Обратно дай.

- Он горит только рядом со мной.

- Тогда ты пойдёшь со мной в субботу в поход.

- Я не хожу в походы.

- Вот поэтому и пойдёшь, - сказала Варя, натягивая налобник на голову. - Мама сказала: «Посмотри, ест ли он». Я посмотрела: не ест. Я сейчас занесу тебе продукты и лекарства, а ты сделаешь вид, что мне благодарен. Это несложно, я покажу как.

- Варя, это не так работает...

- А как?

- Я не знаю, - признался Олег.

Они поднялись к нему на четвёртый этаж, Олег с лампой, а Варя с пакетами.

* * *

Звонок прозвучал ровно в два. Не «около двух» и не «в начале третьего»: Олег как раз смотрел на часы, ожидая, когда закипит чайник у него в руках, и в тот момент, когда минутная стрелка встала на двенадцать, в дверь позвонили.

Он подошёл к двери и посмотрел в глазок. На площадке стоял человек средних лет в бежевом плаще и шляпе с узкими полями, с кожаной папкой под мышкой. Олег поставил чайник на тумбочку и уже взялся за замок, но тут с площадки раздался голос Вари, и он замер. Олег попросил у неё тишины для опытов, уходить домой она отказалась и второй час сидела на подоконнике на лестнице, с телефоном и с его же яблоком.

- Мужчина! Вы к кому?

Человек в плаще обернулся с вежливой улыбкой.

- Добрый день. Я к Олегу Андреевичу Сомову.

- А вы кто?

- Комиссия, - сказал человек и приподнял шляпу. - По имуществу.

- По какому такому имуществу? - Варя спрыгнула с под-

оконника, и Олег через глазок увидел её налобник, сдвинутый на макушку, а под ним боевую готовность. - У него тут никакого имущества нету. У него холодильник пустой, я только что проверяла.

- Простите, а вы, собственно...

- Я сестра.

Человек в плаще просиял, как при встрече со старой знакомой.

- Сестра! Родственница носителя! Это же почти ответственное лицо. - Он раскрыл папку и что-то в ней отметил. - Позвольте узнать ваши фамилию, имя и отчество?

- А вам зачем?

- Для учёта.

- А документ у вас есть? - Варя сложила руки на груди. - Вот так всякие ходят, в шляпах, а потом у нас в зале пропадают верёвки. В шляпах сейчас никто не ходит, только фокусники и наш дедушка. Вы фокусник?

- Нет. Документ, пожалуйста. - Человек протянул ей визитную карточку. Варя прочитала её, перевернула и посмотрела на свет, как смотрят на подозрительную купюру.

- Тут ничего нет, ни телефона, ни сайта. Даже кьюар-кода нет.

- У нас не принято.

- А у нас принято! - Варя вернула карточку и посмотрела вниз. - И чего у вас ботинки сухие? На улице лужи по колено, я сама в кедах как лягушка.

Человек в плаще посмотрел на свои ботинки. Олег через глазок посмотрел тоже. На улице с утра моросило, во дворе стояли лужи, а ботинки у гостя были сухие и чистые, как будто их только что вынули из коробки.

- Я вытер, - сказал человек в плаще.

- Где это?

- Заранее, - сказал он.

- И вообще, - сказала Варя, решив, что с ботинками разберётся потом, - он на больничном. Его молнией ударило, ему покой нужен. И он с незнакомыми не разговаривает, у него на это справка. Ну, почти справка. Ну, я бы ему её выписала.

- Я знаю про больничный, - сочувственно сказал человек. - Именно поэтому я пришёл сам, чтобы Олегу Андреевичу не пришлось никуда ходить. Видите ли, у нас по регламенту носителя, - он запнулся и поправился, - сотрудника положено уведомить лично. Это займёт пять минут.

Олег отпер замок и открыл дверь. Он сам не знал почему. Может, из-за слова «больничный», которое прозвучало как пароль. Может, из-за того, что Варе в одиночку против человека в шляпе стоять было неправильно, даже если Варя сама так не считала.

- Вы из бухгалтерии? - спросил он.

- Добрый день, Олег Андреевич! - Человек повернулся к нему с такой радостью, словно Олег был его любимым племянником, которого он не видел десять лет. - Нет, не из бухгалтерии. Но пусть будет так, если вам удобнее. Аркадий

Львович, комиссия по имуществу. Можно войти?

- Нет, - сказал Олег. - Давайте здесь.

- Здесь так здесь. - Аркадий Львович не обиделся. - Я принёс вам уведомление.

- Я ничего подписывать не буду.

- Подписывать ничего не нужно. - Аркадий Львович вынул из папки серый конверт. - Нужно только ознакомиться.

- Если это путёвка в санаторий, - сказал Олег, - то я абсолютно здоров. Практически.

- Это не путёвка. - Аркадий Львович на секунду растерялся, и Олегу показалось, что вежливый человек впервые за весь разговор не знает, что сказать. Потом он снова улыбнулся. - Хотя в некотором смысле это направление. Почитайте, тут коротко.

Олег взял конверт. Варя встала у него за плечом и встала на цыпочки, чтобы читать, и Олег решил её не прогонять: свидетель, даже болтливый, лучше, чем никакого.

Внутри был лист плотной серой бумаги, отпечатанный ровным шрифтом.

«УВЕДОМЛЕНИЕ № 2

об изъятии Объекта и носителя

Настоящим уведомляем носителя (Сомов Олег Андреевич, рост 182 см, масса 64 кг, заряд 3,8 киловатта), что изъятие Объекта (шпиль металлический, высота 9 м, температура 37 градусов, остаточное напряжение 40 000 киловольт-часов) и носителя назначено на четверг, 14:00, по месту нахож-

дения Объекта.

Носителю надлежит явиться лично.

Опоздание не допускается.

С уважением, Аркадий Львович, Комиссия по имуществу».

Олег прочитал уведомление один раз и ничего не понял. Прочитал второй раз и понял, что не понимает ничего, кроме одного: тут ошибки.

- Простите, - сказал он. - Тут ошибки.

- Где? - заволновался Аркадий Львович.

- Вот. «Заряд три и восемь десятых киловатта». Заряд не измеряется в киловаттах. Киловатт - это мощность, а заряд измеряется в кулонах.

- Да? - Аркадий Львович взял уведомление, посмотрел, и на лице его появилось искреннее огорчение. - Вот ведь. Это у нас в отделе путают, я им сколько раз говорил. А как правильно?

- В кулонах. И вот ещё: «Киловольт-часов» не бывает. Бывают киловатт-часы, это энергия, а киловольт - напряжение. И «температура тридцать семь градусов» у металлического шпиля на улице в октябре - это, простите, физически...

- Это правильно, - тихо сказал Аркадий Львович. - Это как раз правильно.

- Это неправильно, - сказал Олег, который уже не мог остановиться. Ошибки в единицах измерения действовали на него, как чужая грязь на Марусю. - У вас ручка есть?

- Есть, - сказал Аркадий Львович и подал ему ручку с таким проворством, что ручка оказалась у Олега в пальцах раньше, чем он договорил.

Олег приложил уведомление к двери, зачеркнул «киловатта» и написал над ним «кулон (?)». Зачеркнул «киловольт-часов» и написал «уточнить единицу». Поставил вопросительный знак над тридцатью семью градусами, подумал и подчеркнул массу: шестьдесят четыре килограмма было неправдой, он весил шестьдесят один.

- Вот, - сказал он и отдал уведомление обратно. - Так лучше. Но всё равно неправильно, потому что я не понимаю, что такое «изъятие носителя».

Аркадий Львович взял лист и посмотрел на исправления. Лицо его сделалось тёплым и счастливым, как у человека, который получил долгожданную открытку.

- Благодарю вас, - сказал он. - Это очень любезно. Собственноручные исправления, внесённые носителем в уведомление, по регламенту, параграф двенадцатый, приравниваются к ознакомлению и согласию. Подпись больше не нужна. Вы мне очень облегчили работу, Олег Андреевич.

- Что? - сказал Олег.

- Чего? - сказала Варя.

- Я не соглашался!

- Вы исправили массу, - мягко объяснил Аркадий Львович. - Человек не станет исправлять собственную массу в документе, с которым не согласен. Это логично, вы же учёный,

вы должны понимать.

Олег открыл рот и закрыл его. В этом действительно была логика. Отвратительная, бюрократическая, вывернутая наизнанку, но логика. Если бы ему кто-то принёс статью с неправильной массой электрона, он исправил бы ошибку и тем самым, получается, согласился бы со статьёй.

- Я хочу отозвать исправления, - сказал он.

- Отзыв исправлений по регламенту возможен в течение тридцати суток после изъятия, - сказал Аркадий Львович. - Подаётся в письменном виде, я вам оставлю бланк.

Он вынул из папки ещё один листок, поменьше, и вложил его Олегу в руку.

- После изъятия, - медленно повторил Олег и машинально поискал глазами ручку, чтобы отметить на полях. - Простите, у вас тут причина стоит после следствия.

- Почему же? - удивился Аркадий Львович. - Очень даже осмысленно. Ваш отзыв рассмотрят, и, если он обоснован, мы перед вами… - он поискал слово, - извинимся.

- Как?

- Письменно, на бланке. У нас для этого отдельная форма, очень красивая, с виньеткой.

- А что значит «изъятие носителя»? - спросил Олег. - Меня куда-то... изымут?

- Вас перевезут, - сказал Аркадий Львович. - Аккуратно. По регламенту носитель порче не подлежит. Вам будет очень удобно, у нас прекрасные условия. Гораздо лучше, чем... -

он посмотрел мимо Олега в квартиру, на тёмный коридор, на стол с микроскопом и на пустой подоконник, - чем здесь.

- А если я не являюсь?

- Тогда явимся мы, с понятыми.

- Кто такие понятые? - спросил Олег.

- Младшие сотрудники. - Аркадий Львович замялся. - Очень исполнительные, но, как бы это сказать, без лица. В смысле, без личного дела. У нас на них даже фотографий нет, не получаются. - Он опустил папку, и мягкость из голоса ушла, остался голос уставшего служащего в конце смены. - Мне бы не хотелось их звать. Они плохо понимают слово «аккуратно». Лучше приходите сами, очень вас прошу.

Варя шагнула вперёд и встала между ним и Олегом. Ростом она была Аркадию Львовичу по плечо, но стояла так, как стоят под стеной, когда страхуют: ноги шире, руки готовы.

- Знаете что, мужчина, - сказала она. - Я восьмилеток с шестиметровой стенки по пять раз за вечер снимаю. Вас до первого этажа спущу и не запыхаюсь, а лифта тут, между прочим, нет.

- Ухожу, ухожу. - Аркадий Львович приподнял шляпу. - Простите за беспокойство. Рад был познакомиться, - он кивнул Варе, посмотрел в папку, достал листок и прочитал. - Варвара Андреевна Сомова, двадцати пяти лет, девятиэтажка через дорогу, девятый этаж, тренер на скалодроме. В субботу сорвались с отрицалова, но не ушиблись. Это хорошо.

Варя побледнела, потому что про субботу не знала даже мама.

- Это вы откуда знаете?

- У нас на учёте всё, - извиняющимся тоном сказал Аркадий Львович. - До свидания, Олег Андреевич. Выздоравливайте.

Он пошёл вниз по лестнице, неторопливо, придерживая папку. Олег смотрел ему вслед и заметил то, о чём спрашивал в утреннем письме Dr. Zlo. На лестнице горела тусклая лампочка, одна на два пролёта, под самым потолком. Аркадий Львович спускался прямо под ней, а его тень лежала на ступеньках не вниз, как у всех нормальных людей, а вверх, на стену, в сторону лампочки. Тень тянулась к свету.

Хлопнула дверь подъезда. Варя, держась за перила, медленно повернулась к Олегу. Олег впервые в жизни видел, чтобы ей нечего было сказать.

- Олежа, - сказала она тихо. - Это кто был?

Олег не ответил. Он разжал пальцы и посмотрел на листок, который Аркадий Львович вложил ему в руку. Это был бланк «Заявления об отзыве собственноручных исправлений», с графами для фамилии и даты. Внизу мелким шрифтом было напечатано: «Изъятие назначено на четверг, на 14:00. Просьба не опаздывать».

Сегодня был вторник.

Интерлюдия I. Отдел учёта

Аркадий Львович спустился по лестнице дома, где жил носитель, до площадки между вторым и первым этажом, остановился под тусклой лампочкой и подождал, пока наверху стихнет голос сестры носителя. Голос стихал неохотно: Варвара Андреевна Сомова, двадцати пяти лет, дважды свесилась в пролёт через перила, на одних руках, проверяя, ушёл ли он, и оба раза он вежливо ей кивнул. Сам он так держаться не умел и отметил это с уважением.

Потом он шагнул в тень под лестницей и вышел у себя в отделе.

Отдел располагался там, где располагался всегда, то есть по ту сторону любой достаточно густой тени. Земные сотрудники, которым однажды пришлось объяснять это на курсах повышения квалификации, сравнивали отдел с подсобкой, в которую можно войти из любого магазина города, если знать, какая дверь служебная. Аркадий Львович такое сравнение считал неточным, но удобным и сам им пользовался.

В коридоре было холодно. Сотрудники ходили в пальто, а кто-то и в валенках. Под потолком через каждые пять метров висели лампы в зелёных абажурах, каждая по сорок люкс, и над каждой была приклеена бумажка: «Свет казённый. Уходя, гасите». Проходя под абажуром, каждый чуть замедлял шаг, чтобы тень успела погреться, и никто уже не помнил,

когда это вошло в привычку.

Аркадий Львович снял шляпу, стряхнул с полей несуществующую пыль и пошёл в машбюро.

* * *

В машбюро стучала одна машинка. Серафима Ильинична печатала уведомления для отдела третью тысячу лет и за это время не сделала ни одной опечатки в фамилиях, зато в единицах измерения ошибалась регулярно и с удовольствием.

- Вернулись, - сказала она, не поднимая глаз. - Ну что, вручили?

- Вручил. - Аркадий Львович положил перед ней серый лист с исправлениями. - И получил назад. Носитель внёс правку.

Серафима Ильинична остановила каретку и надела очки.

- Это что? - Она ткнула пальцем в зачёркнутое слово. - «Кулон, вопрос». Он что, мне вопросы задаёт?

- Он сомневается, Серафима Ильинична. Это научная манера.

- Тридцать тысяч лет я печатала киловатты, и никто не сомневался. - Она перевела палец ниже. - А тут что? «Уточнить единицу»? Мне её как уточнять? Мне её никто не уточнял.

- Перепечатайте, как он написал, - сказал Аркадий Львович. - С вопросом. Он лучше знает.

- А масса? Шестьдесят четыре было.

- Шестьдесят один.

- Похудел?

- Исправил.

- Значит, похудел по собственному желанию, - заключила Серафима Ильинична и вставила в машинку чистый лист. - Давайте, я перепечатаю для дела. Только вы мне скажите, Аркадий Львович, по-человечески: зачем вам его исправления? Вы же нарочно ему ошибки принесли. Я же видела, как вы сами в черновик киловольт-часы вписывали.

Аркадий Львович сел на стул для посетителей и положил шляпу на колени.

- Подписи он бы мне не дал, Серафима Ильинична, - сказал он. - А массу исправил сам и ещё подчеркнул. Видите, как ровно? Я бы так не подчеркнул.

- Это нечестно, - сказала Серафима Ильинична без всякого осуждения, просто для порядка.

- Это двенадцатый параграф, - сказал Аркадий Львович. - Он честный. Его можно прочитать.

- Ну-ну. - Серафима Ильинична застучала по клавишам. - Прочитать-то можно. Только кто их читает, параграфы.

- Он прочитает, - сказал Аркадий Львович.

Машинка замолчала.

- Это вы откуда знаете?

- Он из тех, кто читает, - сказал Аркадий Львович. - Он при мне прочитал уведомление дважды и нашёл в нём четыре ошибки. А бланк отзыва дочитает до мелкого шрифта,

вот увидите. Он и регламент запросит, не сегодня, так через пару дней. Сорок шесть листов, Серафима Ильинична. Нам нужен экземпляр к воскресенью.

Серафима Ильинична сняла очки и посмотрела на него так, как смотрят на начальство, которое в пятницу вечером принесло работу.

- Перепечатывать?

- Перепечатывать.

- Весь?

- Весь. Как обычно.

- Как обычно, - повторила она с особенным выражением. - Это значит, с моими киловаттами?

- Это значит, как обычно, - сказал Аркадий Львович, достал из кармана плаща маленькую полоску бумаги, написал на ней карандашом три числа, сложил полоску вдвое и положил возле машинки. - А эти три параграфа принесите мне отдельно, на вычитку. Лично. До того, как сошьёте.

Серафима Ильинична развернула полоску, прочитала и сложила обратно.

- Опять ваши любимые, - сказала она.

- Мои любимые, - согласился Аркадий Львович.

* * *

Начальник отдела Евграф Самсонович сидел в кабинете, где горела одна лампа под чёрным абажуром, и от этого его

лицо было видно только снизу, до подбородка, а выше начиналась темнота и бумаги. Бумаги стояли стопками до потолка, и в отделе говорили, что Евграф Самсонович их не читает, а просто живёт среди них, как живут в лесу.

- Садитесь, Аркадий Львович, - сказал голос из темноты над подбородком. - Докладывайте.

Аркадий Львович сел и раскрыл папку.

- Пограничный пункт: институт прикладной физики, улица Кирпичная, четыре. Объект на месте, шпиль металлический с трёхзубцовым навершием, на Земной стороне числится громоотводом, инвентарный номер ноль-ноль-ноль-ноль-семнадцать. Носитель установлен: Сомов Олег Андреевич, научный сотрудник, двадцать семь лет. Уведомление номер два вручено сегодня в четырнадцать ноль-ноль. Ознакомлен по двенадцатому параграфу.

- По двенадцатому, - повторил Евграф Самсонович, и подбородок у него недовольно шевельнулся. - Это ваша лазейка про исправления. Её любой студент оспорит.

- Он не студент, Евграф Самсонович. Он учёный. Учёные не оспаривают, они исправляют.

- А разница?

- Тот, кто оспаривает, пишет жалобу. А тот, кто исправляет, берёт ручку, которую ему дали, - сказал Аркадий Львович. - Ручку я ему дал сам.

Евграф Самсонович помолчал. Где-то наверху, в темноте, зашуршала бумага, и вниз спланировал лист. Аркадий Льво-

вич поймал его на лету и вернул на край стола.

- Ответственное лицо? - спросил начальник.

- Ветров Игорь, охрана. На самом деле хранитель Ордена, послан Советом. Ученик некоего Сан Саныча. Носит полное издание устава, четыреста двенадцать пунктов.

- Полное? - Подбородок дёрнулся. - Я думал, полных уже не осталось.

- Осталось несколько. Одно у него в кармане, во внутреннем, слева.

- Откуда сведения?

Аркадий Львович вынул из папки сложенный вчетверо тетрадный лист в клетку и положил его под лампу. Лист был исписан крупным, аккуратным, почти школьным почерком.

- Источник, - сказал он.

Евграф Самсонович наклонился. Под лампой показался нос, длинный и серый, а потом снова ушёл в темноту.

- Ваш источник пишет, как первоклассник, - сказал начальник.

- Зато разборчиво, - сказал Аркадий Львович и убрал лист обратно в папку. - Источник сообщает, что Совет Ордена состоит из трёх человек, что председатель стар и не повторяет сказанного, что старший группы очистки хочет снять Объект краном, а председатель велел сначала попробовать открутить одно навершие. И что у них в зале заседаний стоит фикус.

- Фикус я помню, - сказал Евграф Самсонович. - Он у нас

на учёте с девятьсот двенадцатого года. Как он там?

- Сухой.

- Давно?

- С шестьдесят первого, - сказал Аркадий Львович. - В карточке отмечено.

Евграф Самсонович ничего на это не сказал. Аркадий Львович знал, что начальник помнит шестьдесят первый год лучше, чем кто-либо в отделе: тогда Земной стол получил благодарность за то, что Орден Хранителей сам, без всякого участия Канцелярии, сократил собственный устав и сдал полные экземпляры. Благодарность висела в коридоре, в рамке, рядом с бумажкой про казённый свет.

* * *

Лампа под чёрным абажуром мигнула.

Аркадий Львович почувствовал это раньше, чем увидел: в кабинете стало холоднее, и холод пришёл не из коридора, а сверху, из темноты, где стояли бумаги. Пар пошёл у него изо рта. Тень от его руки, лежавшей на папке, дрогнула и вытянулась к лампе так сильно, что почти коснулась абажура.

На стол перед Евграфом Самсоновичем лёг лист.

Он не упал и не спланировал, а просто оказался на столе, серый, плотный, ровно посередине, параллельно краю. На нём не было ни одной буквы написанной чернилами. Буквы на нём были вырезаны: аккуратные, ровные дыры в бумаге,

через которые проходил свет лампы.

Евграф Самсонович не стал брать лист в руки. Он подвинул его к Аркадию Львовичу кончиком карандаша.

- Читайте вы, - сказал он. - У вас глаза моложе.

Аркадий Львович поднял лист и поднёс к лампе. Свет прошёл сквозь вырезанные буквы и лёг на его ладонь ровными светлыми словами.

«НОСИТЕЛЬ - ЦЕЛЫМ. НЕ ТОРОПИТЬ».

Холод постоял в кабинете ещё немного и ушёл туда же, откуда пришёл. Лампа разгорелась до своих положенных сорока люкс. Евграф Самсонович выдохнул, и подбородок у него опустился.

- Во входящие, - сказал он. - В «Высочайшие». И проверьте, чтобы лежала лицом вверх.

Аркадий Львович аккуратно вложил лист в папку, в отделение с надписью «Высочайшие», где до этого лежало три листа за последние двести лет.

- «Не торопить», - повторил Евграф Самсонович. - А вы ему в четверг изъятие назначили.

- Назначил.

- И проведёте?

- Назначить - моя обязанность по регламенту, - сказал Аркадий Львович. - Носитель уведомлён, срок указан. А провести - как получится.

- Как получится, - недовольно сказал начальник. - У меня понятых мало, Аркадий Львович. Вы мне их вернёте?

- Двоих выпишите. Верну.

- Целыми?

Аркадий Львович подумал.

- По возможности, - сказал он. - Носитель боится, а когда он боится, у него зажигаются лампы. Сколько ламп он зажжёт, если испугается по-настоящему, у нас в карточке пока не отмечено.

- Вы хотите отправить понятых на опыт?

- Я хочу, чтобы опыт поставил он, - сказал Аркадий Львович. - Журнал он ведёт аккуратнее нашего картотекаря и выводы из него делает быстрее нас.

Евграф Самсонович долго молчал, и Аркадий Львович слышал, как шуршат в темноте над столом бумаги.

- Вы рискуете, - сказал наконец начальник.

- Я работаю с документами, Евграф Самсонович. Кто работает с документами, тот не рискует, тот ждёт. А ждать нам велено.

Подбородок шевельнулся, и Аркадий Львович понял, что начальник не то улыбнулся, не то поморщился. С Евграфом Самсоновичем никогда нельзя было сказать наверняка.

- Ступайте, - сказал голос из темноты. - И зайдите в картотеку. Там на вас жалуются, что вы опять завели карточку без номера.

* * *

Картотека Земного стола занимала длинную комнату с выдвижными ящиками от пола до потолка, и в ней было ещё холоднее, чем в коридоре, потому что картотекарь Фрол считал, что карточки в тепле портятся. Фрол был невысокий, сутулый, в двух свитерах сразу, и знал по номеру всех, кто стоял на учёте, включая фикус.

- Вот, - сказал он, едва Аркадий Львович вошёл, и протянул ему карточку. - Без номера. Опять вы.

На карточке почерком Аркадия Львовича было написано: «Сомова Варвара Андреевна, 25 лет. Сестра носителя. Почти ответственное лицо. На месте не стоит, висит на перилах».

- Номер я не успел присвоить, - сказал Аркадий Львович. - Вписал на лестнице, по памяти.

- А «почти ответственное лицо» - это что за графа? У нас такой нет.

- Значит, надо завести.

- Завести графу, - сказал Фрол с отчаянием. - Вы знаете, сколько у меня карточек, Аркадий Львович? А вы мне графы заводите.

- Она его тормошит, - сказал Аркадий Львович. - Каждое утро. И сегодня встала между нами на лестнице, без всякого регламента. Такие люди, Фрол, иногда важнее ответствен-

ных лиц. Ответственное лицо можно уведомить, а эту не уведомишь: она не дочитает и начнёт задавать вопросы.

Фрол посмотрел на карточку внимательнее, потом вздохнул и вписал номер.

- Ещё что-нибудь?

- Сомов, носитель. Дайте карточку.

Фрол выдвинул ящик, пробежал пальцами по корешкам и вытащил карточку, уже пухлую, с двумя подклеенными листками.

Аркадий Львович достал ручку и дописал внизу: «Исправляет ошибки в чужих документах, даже во вред себе. Боится людей, но не задач. Тень проверял сам, сегодня утром, после письма. Тень в норме».

- После какого письма? - спросил Фрол, заглянув через плечо.

- Ему пишут, - сказал Аркадий Львович. - Кто-то ему пишет каждый день и спрашивает про тень. Я не знаю кто.

Фрол перестал дышать.

- У нас на учёте всё, - сказал он шёпотом. - Вы же всегда говорите: всё.

- Всё, что существует больше ста лет и стоит на месте, - сказал Аркадий Львович. - А этот, похоже, на месте не стоит.

Он убрал ручку, закрыл карточку и вернул её Фролу.

- Если найдёте, откуда идут письма, - сказал он, - сразу ко мне. Не к Евграфу Самсоновичу. Ко мне.

- А если не найду?

- Значит, письма умнее нас, - сказал Аркадий Львович. - Такое тоже бывает. Редко, но бывает.

- А на Беляева что дописать? - спросил Фрол, уже не так обиженно. - Карточка у нас с девяносто пятого, с тех пор как он хроники резал.

- Дописать: «Хочет подъёмный кран».

- Кран - это имущество?

- Кран - это желание, - сказал Аркадий Львович. - Он его хочет с понедельника. Когда человек так сильно чего-то хочет, Фрол, ему рано или поздно дают. Пусть будет в карточке, чтобы мы не удивились.

* * *

Обратно в машбюро он зашёл уже в конце рабочего дня. В коридоре гасили лампы, и тени сотрудников, лишившись своих сорока люкс, укладывались на пол длинными серыми полосами.

Серафима Ильинична зачехляла машинку.

- Регламент начну завтра, - сказала она. - Вы не волнуйтесь, к воскресенью будет. Сорок шесть листов, с моими киловаттами. А ваши три параграфа я вам сама принесу, на вычитку.

- Благодарю.

- Аркадий Львович. - Она сняла очки и потёрла переносицу. - А можно глупый вопрос?

- Можно.

- Зачем вам, чтобы он читал? Носителей ведь изымают. Изъяли и поставили на учёт. Зачем носителю регламент?

Аркадий Львович надел шляпу и поправил поля.

- Видите ли, Серафима Ильинична, - сказал он, - носителя, который не читал регламент, можно изъять. А носитель, который его прочитал, может прийти сам. Второе гораздо лучше. С ним потом меньше бумажной работы.

Серафима Ильинична посмотрела на него долго и с подозрением, как смотрела на всех, кто приносил ей задания после шести.

- Вы мне голову не морочьте, - сказала она. - Вы просто любите, когда вас читают.

- Это тоже, - признал Аркадий Львович.

- А он какой? - спросила Серафима Ильинична.

- Кто?

- Носитель. Вы с ним сегодня говорили.

Аркадий Львович подумал.

- Вежливый, - сказал он. - Извиняется через слово. Лестничной клетки боится больше, чем меня. И массу мне исправил, хотя его никто не просил.

- Понравился, значит.

- Мне нравятся люди, которые читают, - сказал Аркадий Львович. - Их так мало, Серафима Ильинична. Даже у нас.

Он подошёл к своему столу у окна, в котором не было ничего, кроме серой ровной полутьмы, выдвинул нижний ящик

и достал оттуда пачку бланков. Взял верхний, вставил в машинку Серафимы Ильиничны, которая от этого возмущённо фыркнула, и отпечатал одним пальцем, медленно, по букве:

«УВЕДОМЛЕНИЕ № 3

о порче документа ответственным лицом Земной стороны».

Дальше он печатать не стал, вынул бланк, подул на него и положил в папку.

- Это кому? - спросила Серафима Ильинична.

- Ответственному лицу. Ветрову И.

- Так он же ещё ничего не испортил.

- Испортит, - сказал Аркадий Львович. - В четверг. Ответственные лица Земной стороны всегда что-нибудь рвут, Серафима Ильинична. Особенно молодые и с полным изданием устава. Я подготовился заранее.

- А если до четверга понадобится ещё какое-нибудь? - спросила она. - Вы третий номер уже заняли.

- Не понадобится, - сказал Аркадий Львович. - До четверга носитель будет читать второй.

Глава 6. Отчёт

Сан Саныч встретил его у входа в общество охраны памятников в половине восьмого утра, с двумя стаканчиками чая из ларька на углу. Это было так необычно, что Игорь сначала проверил, не стоит ли за учителем кто-нибудь ещё.

- Пей, - сказал Сан Саныч. - Ты всю ночь не спал. На Совете будешь зевать, Беляев обрадуется.

- Спасибо.

- Справку давай.

Игорь отдал ему справку Крохи. Сан Саныч развернул её, посмотрел на рисунок, на значки и долго молчал, грея пальцы о стаканчик.

- Совпадают? - спросил он наконец.

- Один точно, второй почти, третий стёрт.

- Ладно. - Сан Саныч сложил справку и сунул себе в карман, а не Игорю. - Это пока у меня полежит. На Совете скажешь, что знаки на шпиле похожи на знаки громомера. Это правда. А про Кроху не говори.

- Почему?

- Потому что я так сказал.

- Это не причина, - сказал Игорь и сам удивился, что сказал это вслух.

Сан Саныч посмотрел на него с интересом, как на ученика, который впервые за шестнадцать лет ударил с той сторо-

ны, откуда учитель не ждал.

- Нет, не причина, - согласился он. - Причина будет потом, а сейчас пей чай.

- А чай почему? - спросил Игорь, раз уж сегодня можно было задавать вопросы. - Вы мне за шестнадцать лет ни разу чай не покупали.

- Покупал, - возразил Сан Саныч. - Когда тебе было тринадцать и я не пустил тебя на первый выезд с группой очистки, хотя ты всё сдал.

- Вы тогда так и не сказали почему.

- Вот и сейчас не скажу, - сказал Сан Саныч. - Тогда ты на меня две недели дулся, теперь, видно, тоже будешь. Так хоть с чаем. Пей, пока горячий.

* * *

На Совете Игорь рассказал всё по порядку: трещина у окна, громомер на упоре, горячий песок с запахом корицы, тёплый шпиль на крыше с древними знаками, человек в бежевом плаще с рулеткой. Рассказал про тень, которая тянется к луне, и про то, как у него отяжелели ноги. Положил на стол серый конверт.

Не рассказал он только об одном: о толстом журнале в клетку, где на шести страницах было подробно записано всё, что Игорь сейчас излагал Совету, и где под этим стояла его собственная подпись: «И. Ветров, охрана». Он собирался

рассказать. Он даже открыл рот, когда дошёл до учёного. А потом вспомнил, как Сомов извинялся, лёжа лицом в пол, и сказал:

- Учёный Сомов. Был в лаборатории во время удара. Его задело. Он ничего не понимает и считает всё это оптической аномалией.

- Свидетеля к забвению, - сказал Беляев.

- Комиссия называет его носителем, - сказал Игорь. - Он им нужен вместе со шпилем. Изъятие назначено, они сообщат дату.

Штольц взял конверт, вынул из него серый лист, надел очки и прочитал уведомление про себя, медленно, шевеля бровями. Потом передал Беляеву.

- «Канцелярия Его Тёмного Величества», - прочитал Беляев вслух и громко фыркнул. - Ну, конечно. А почему не «Министерство Сказочных Дел»? Вениамин Карлович, это розыгрыш. Какой-нибудь студент с этого их физического факультета. Или журналист. Узнал что-то про нас и решил посмеяться.

- Журналист, - повторил Сан Саныч. - Который знает про фикус.

Беляев покосился на засохший фикус в углу.

- Про фикус весь дом знает. Уборщица видела.

- У нас нет уборщицы.

- Значит, электрик. Вениамин Карлович, ну какая Канцелярия? - Беляев постучал по своему уставу, тонкой книжеч-

ке в мягкой синей обложке. - Тут в первом же пункте написано, что врата закрыты. Если в это не верить, зачем мы тогда вообще тут сидим?

- Это не первый пункт, - сказал Игорь.

- Что?

- Про закрытые врата - это не первый пункт, это предисловие. А первый пункт...

- Сокращённое издание, - сказал Беляев, не слушая. - Шестьдесят первого года, утверждено Советом. Там всё, что нужно, и без мамонтов.

- Хватит, - сказал Штольц, и оба замолчали.

Он забрал у Беляева уведомление, положил его на стол рядом с громомером и посмотрел на прибор. Игорь тоже посмотрел. Стрелка, которая с ночи воскресенья лежала на девятке, медленно сдвинулась к десятке, словно лист серой бумаги её притягивал. Штольц убрал лист обратно в конверт. Стрелка вернулась на девять.

Беляев перестал фыркать.

- Шутник, - сказал Сан Саныч в тишине. - Студент.

- Совпадение, - неуверенно сказал Беляев. - Сквозняк.

- В подвале? - спросил Сан Саныч.

- У нас в подвале всегда сквозняк, Вениамин Карлович сам жаловался.

- Я жаловался на сквозняк в коридоре, - сказал Штольц, не повышая голоса, и Беляев понял, что спорить дальше не стоит.

- Значит, так, - сказал Штольц. - Ищейка это или шутник, неважно. Важно, что кто-то хочет забрать шпиль. Значит, мы заберём его первыми. Беляев, что нужно, чтобы его снять?

- Автокран, - сказал Беляев с облегчением человека, которого наконец спросили о том, в чём он разбирается. - Резак, бригада из шести человек и грузовик.

- Тихо снять!

- Тогда никак. Он метров девять высотой, если с основанием.

- А навершие? - спросил Штольц. - Зубцы наверху. Их можно снять отдельно?

Беляев подумал.

- На старых вещах навершие обычно на резьбе. Можно попробовать открутить, если не прикипело.

- Игорь, - сказал Штольц. - Сегодня ночью возьмёте ключ, ножовку, страховку. Сначала отсоедините медный провод, потом попробуйте снять навершие. Если не выйдет, утром решим насчёт крана. Учёного не трогать. Пока.

- Пока, - повторил Беляев, и это слово Игорю не понравилось.

* * *

Ночь со вторника на среду была ясная и холодная. Игорь поднялся на чердак в половине первого, со спортивной сумкой, в которой лежали разводной ключ, ножовка по металлу,

моток альпинистской верёвки и страховочная система, выданная группой очистки. Ключ от чердака дед Федя отдал ему сам, не дожидаясь просьбы.

- Опять на крышу? - спросил он, снимая шнурок с шеи. - Бери. Только учти, Маруся сегодня в ночь. Голуби ей в вентиляцию нагадили, она грозилась на чердак подняться, разобраться.

- С голубями?

- Со всеми, - сказал дед Федя. - Она не уточняла.

- А если она меня там застанет?

- Не спорь с ней и по помытому не ходи, - посоветовал дед Федя. - Она в девяносто восьмом члена-корреспондента мокрой тряпкой через весь коридор гнала. А у тебя даже учёной степени нет.

- А степень помогает?

- Член-корреспондент тоже думал, что помогает.

На крыше было пусто. Игорь первым делом обошёл её вдоль бортика, заглянул на пожарную лестницу и только потом подошёл к шпилю. Металл был тёплым, как вчера, и гудел так же, на самой нижней ноте. Медный провод крепился к основанию хомутом на четырёх болтах, позеленевших, но, к удивлению Игоря, не прикипевших.

Пункт сто девятнадцатый: «Начатое не бросай». Игорь надел страховку, пристегнул верёвку к ограждению вентиляционной шахты, взял ключ и взялся за первый болт.

Болт пошёл легко, второй тоже. На третьем шпиль под ру-

кой Игоря перестал гудеть.

Тишина была такая плотная, что Игорь услышал, как у него в ушах стучит кровь. Город внизу шумел, как обычно, проехала машина, на филармонии мигнула красная лампочка, а шпиль молчал, и от этого молчания хотелось отойти подальше. Игорь не отошёл. Он взялся за четвёртый болт.

Снизу, из-под крыши, донёсся звук. Глухой и протяжный, как если бы очень далеко открыли огромную печь. Рубероид под ногами Игоря стал тёплым. Из люка на чердак, который он оставил открытым, потянуло горячим воздухом, сухим и сладким, и в нём был запах корицы, такой сильный, что Игорь чихнул. Громомер в кармане звякнул, ударившись стрелкой об упор.

Игорь посмотрел на четвёртый болт. Потом на люк. Из люка поднимался горячий воздух, и в лунном свете было видно, как он дрожит. Там, внизу, на шестом этаже, у окна лаборатории, висела трещина. И сейчас она, кажется, росла.

Он затянул третий болт обратно. Звук снизу стал тише. Затянул второй и первый, до упора, изо всех сил, и шпиль под его ладонью вздрогнул и снова загудел. Горячий воздух из люка ослаб, а потом пропал совсем.

Игорь сел на рубероид, привалившись спиной к тёплому металлу, и некоторое время сидел так, не двигаясь.

- Ладно, - сказал он шпилю. - Понял, ты не громоотвод.

Шпиль гудел.

Пункт двести одиннадцатый: «Не зная, что держит сте-

ну, не вынимай из неё камня». Игорь всю жизнь считал этот пункт про строительство крепостей.

Про навершие он после этого даже не думал. Он собрал инструменты в сумку, отстегнул страховку и полез обратно в люк.

* * *

На чердаке горел свет. Игорь точно помнил, что света там не включал, потому что выключателя на чердаке не было вовсе, а была только лампочка на проводе у самого входа, и она висела там, наверное, с тридцать четвёртого года. Теперь эта лампочка горела, а под ней, уперев руки в бока, стояла Маруся в синем рабочем халате, с ведром у ног и шваброй в руке.

- Так, - сказала она. - Это кто у нас тут?

- Охрана, - сказал Игорь.

- Охрана, - повторила Маруся, разглядывая его сумку, верёвку и разводной ключ, который торчал из кармана. - На обход, значит. С ключом, с верёвкой, в двенадцать ночи и на крышу.

- Так положено.

- Кем положено?

Игорь подумал, что сказать «уставом Ордена Хранителей, пунктом сто сорок вторым» было бы неправильно.

- Инструкцией, - сказал он.

- А в твоей инструкции написано, что после себя убирать надо? - Маруся показала шваброй на пол. Игорь посмотрел вниз. От люка до того места, где он стоял, по пыльным доскам чердака тянулась цепочка его следов, и следы были не пыльные, а песочные, жёлтые. Песок сыпался у него с ботинок, с куртки и даже, кажется, с волос.

- Это не я, - сказал Игорь. - Это сверху.

- Сверху у нас голуби, - сказала Маруся. - А голуби не в ботинках ходят. Значит, так. Я тут с одиннадцати голубиное хозяйство разгребаю, всё отмыла, а теперь глянь, что ты наделал. Вот ведро, вот швабра. Пока не отмоешь, никуда не пойдёшь.

- У меня обход.

- Обход подождёт, а чердак не ждёт.

- Я охранник, а не...

- А я уборщица, - сказала Маруся. - Сорок один год. Я тут при семи директорах работала, и ни один у меня по помытому не ходил. Ни один! А ты, значит, будешь?

Игорь открыл рот, чтобы возразить, и увидел её глаза. В них было столько спокойной, древней уверенности в своей правоте, сколько он видел только у Сан Саныча и иногда у Штольца. Пункта в уставе, который бы ей противоречил, Игорь вспомнить не смог. Пункта про уборщиц не было вообще. Это он выяснил ещё в понедельник, в холле.

Он взял швабру.

Мыть пришлось полтора часа. Чердак был длинный, пе-

сок забился в щели между досками, а Маруся стояла рядом и руководила, не позволяя ему ни одного неправильного движения.

- Не так, ты тряпку отожми сначала. Ты что, дома никогда полы не мыл?

- У нас дежурный мыл.

- А ты что, ни разу дежурным не был?

- Был, мыл спортзал.

- Ну так это ж то же самое! Вот и мой, как свой зал.

- Пункт сто девятнадцатый, - пробормотал Игорь, выжимая тряпку. - Начатое не бросай.

- Это кто сказал?

- Один старый… документ.

- Умный документ, - одобрила Маруся. - Я тоже всегда говорю: начал угол - домывай. А то некоторые начнут с середины, а углы оставят, и потом у них в углах жизнь заводится.

- Какая жизнь?

- Разная, - сказала Маруся таким тоном, что Игорь решил мыть углы особенно тщательно.

Игорь мыл пол, как когда-то мыл спортзал. Через полчаса Маруся перестала делать ему замечания, а через час принесла из подсобки термос и налила ему крышечку чая.

- Пей. Ты хоть и охранник, а работаешь неплохо.

- Спасибо.

- А свет как зажгли? - спросил Игорь, кивая на лампочку. - Тут же выключателя нет.

- А я её вкрутила, - сказала Маруся. - Я лампочку всегда с собой ношу, в кармане. У Бориса Семёныча допросишься, как же. Где мою, там и вкручиваю, а ухожу - выкручиваю.

- А на третьем этаже, в туалете, лампочки вместе с патронами...

Маруся посмотрела на него долго и строго, и Игорь понял, что ответа не будет.

- Пей чай, охрана.

- Андреич-то наш где? - спросила Маруся, присаживаясь на перевёрнутое ведро. - Не видела его сегодня.

- Дома, на больничном.

- Это хорошо, ему отдохнуть надо. - Маруся отхлебнула из термоса. - А то сидит тут по ночам один со своей катушкой. Я ему в прошлом месяце пирожок на столе оставила, так он его в пакетик положил и подписал.

- Зачем?

- Спроси его. - Маруся посмотрела на Игоря, потом на тряпку у него в руках. - Ты вон тоже полтора часа рядом, а три слова сказал, и все про инструкцию. Зашёл бы к нему, что ли. Вдвоём молчать веселее. Ну, допивай и иди. Только песок свой с ботинок на крыльце стряхни, а не в холле.

* * *

В будке у входа дед Федя спал под «Вечерним городом». Игорь сел рядом за стол дежурного, достал телефон и набрал

Сан Саныча. Тот взял трубку после первого гудка.

- Ну? - сказал он, и голос был совсем не сонный.

- Снимать нельзя.

- Почему?

- Я открутил три болта на хомуте. Шпиль замолчал, а снизу пошёл жар, из люка дуло, как из духовки. Громомер на упоре. Я закрутил обратно, и всё прекратилось.

Сан Саныч помолчал.

- Навершие пробовал?

- Нет. Пункт двести одиннадцатый.

- Про стену и камень?

- Он самый. Сан Саныч, шпиль её держит, трещину. Если его снять, она откроется. Не знаю, насколько, но я слышал, там как печь.

- Беляеву скажешь - не поверит, - сказал Сан Саныч.

- Знаю.

- Значит, напиши. Беляев словам не верит, он верит бумагам. Чем больше в бумаге печатей, тем сильнее верит. Печатей у тебя нет, так что пиши подробно. В девять положишь Штольцу на стол.

- А вы?

- А я посмотрю, - сказал Сан Саныч и отключился.

Игорь взял из ящика стола тетрадь для записи посетителей, вырвал из середины двойной лист и написал сверху: «Отчёт». Подумал и приписал: «о ночном дозоре на объекте по ул. Кирпичной, 4». Подумал ещё и начал писать так, как

его учили писать донесения: по уставу, коротко и со ссылками на пункты.

Писал он час. Получилось три страницы, и на каждой было по три-четыре «дабы», потому что донесения по уставу без «дабы» не писались. Перечитав, Игорь вычеркнул половину «дабы», потом вписал обратно, потому что без них отчёт выглядел как заметка в «Вечерний город». Последний абзац он переписывал четыре раза, и в окончательном виде абзац гласил:

«Вывод: Объект (шпиль) громоотводом не является, а является опорой, удерживающей трещину в пределах малых размеров. Снятие Объекта или отсоединение его от здания приведёт к раскрытию трещины. Прошу Совет воздержаться от снятия Объекта, дабы не вынуть камень, не зная, что держит стену (п. 211). Учёного Сомова О. А. прошу считать не свидетелем, а лицом под угрозой изъятия, и взять под защиту согласно п. 230 (вмешательство при нужде)».

Он посмотрел на последнюю фразу. Пункт двести тридцатый говорил о вмешательстве «без нужды» и запрещал его, а о том, что делать при нужде, в нём не было ни слова. Игорь решил, что Беляев этого не заметит, потому что в сокращённом издании пункта двести тридцатого, скорее всего, не было вовсе.

Дед Федя под газетой перестал храпеть.

- Красиво пишешь, - сказал он. - Только «дабы» многовато.

Игорь накрыл отчёт ладонью.

- Вы же спите.

- Я сторожу, - сказал дед Федя и снова захрапел.

* * *

В пять утра смена закончилась. Дед Федя передал дела дневному вахтёру, сухонькому старичку по фамилии Ложкин, и пошёл домой. До девяти, когда отчёт надо было положить Штольцу на стол, оставалось четыре часа. Игорь постоял на крыльце, стряхивая песок с ботинок, как велела Маруся, и пошёл не в общество памятников, а в другую сторону.

Адрес Сомова он знал из личного дела, которое Сан Саныч достал ему ещё в понедельник. Пешком двадцать минут. Старый пятиэтажный дом, подъезд с облезлой синей дверью, кодовый замок, который не работал. Игорь поднялся на четвёртый этаж. На подоконнике между третьим и четвёртым кто-то забыл яблочный огрызок и белые следы ладоней, как от мела, а прямо напротив подъезда, через дорогу, стояла девятиэтажка, и на её девятом этаже, в единственном горящем окне, кто-то смотрел вниз в бинокль.

Про нужду Игорь уже написал в отчёте и теперь, стоя на площадке, был в ней уверен ещё больше. Носитель порче не подлежит, сказал Аркадий Львович. Значит, носителя будут беречь, пока не изымут. А что будет потом, в уведомлении написано не было, и Игорю это нравилось ещё меньше, чем

слово «пока» в устах Беляева.

Он поднял руку, чтобы позвонить, и не успел. Дверь открылась сама.

На пороге стоял Сомов. Он был одет так, будто никуда не ложился: в тот же мятый свитер, в очках, со всклокоченными волосами. В одной руке он держал серый лист плотной бумаги, исчёрканный ручкой, в другой - маленький бланк. Позади него, в комнате, горела настольная лампа, и шнур от неё валялся на полу.

- Я услышал, как вы поднимаетесь, - сказал Сомов. - У вас ботинки скрипят от песка. Вы ведь не просто охранник?

Это был уже не вопрос.

- Нет, - сказал Игорь.

- Хорошо, - сказал Сомов и отступил, пропуская его внутрь. - Тогда заходите. У меня к вам вопрос. Во-первых, что такое «изъятие носителя». А во-вторых, - он показал Игорю лист с исправлениями, - вы не знаете случайно, в каких единицах у них меряют заряд? Потому что я, кажется, вчера согласился на что-то, исправив им киловатты на кулоны.

Глава 7. Четверг, 14:00

Охранник Ветров рассказал Олегу на удивление мало для человека, который пришёл в пять утра, не сняв ботинок с песком.

Он сел на табурет на кухне, отказался от чая, отказался от маминой котлеты, долго разглядывал исчёрканное уведомление и бланк отзыва, а потом сказал:

- Это не бухгалтерия.

- Я уже понял, - сказал Олег. - У бухгалтерии тень лежит правильно.

Ветров поднял на него глаза.

- Ты видел тень?

- На лестнице, она тянулась к лампочке. - Олег сел напротив. - Это противоречит всему, что я знаю об оптике. А я знаю об оптике много. Кто он такой?

- Не знаю.

- А кто вы такой?

- Охранник.

- Вы сказали, что не просто охранник.

- Я сказал «нет», - поправил Ветров. - Это не одно и то же.

Олег подумал и согласился, что не одно и то же. Это его раздражало: обычно уточнять формулировки было его работой.

- Тогда спрошу иначе, - сказал Олег. - Вы охранник, кото-

рый знает, кто такой Аркадий Львович?

- Нет.

- Охранник, который вчера ночью был на крыше?

Ветров помолчал.

- По ботинкам понял?

- По песку. На крыше ему быть неоткуда, а у вас он в швах куртки, и там его больше, чем в ботинках. Значит, вы сидели наверху, близко к источнику.

Ветров ничего не ответил, но и не возразил, и Олег засчитал это как частичное подтверждение.

- Хорошо, - сказал он. - Тогда что такое «изъятие носителя»?

- Не знаю, но ничего хорошего. - Ветров положил уведомление на стол и прижал ладонью, чтобы не улетело. - Слушай. В четверг никуда не ходи. Сиди дома, запрись, никому не открывай. Ни комиссии, ни бухгалтерии, ни сестре.

- Варе нельзя не открыть. У неё ключ, мама дала. - Олег подумал. - А если запереться на цепочку, она залезет через балкон. Это четвёртый этаж, но её это никогда не останавливало.

- Пусть лезет, а я буду рядом.

- Где?

- Рядом, - повторил Ветров тоном человека, который не собирается уточнять, и встал. - Мне надо идти, у меня отчёт.

- Какой отчёт?

- Обычный.

- Про меня?

Ветров, уже стоя в дверях кухни, обернулся.

- Про крышу.

- А что на крыше?

- Шпиль, - сказал Ветров. - Ты на него не смотри.

Олег открыл рот, чтобы сказать, что это уже второй за неделю совет не смотреть на крышу, и закрыл, потому что первый пришёл с форума от человека по прозвищу Доктор Зло, а объяснять это охраннику в пять утра было бы слишком долго.

Он ушёл, а Олег остался сидеть на кухне, глядя на мамину котлету, от которой отказался охранник, и думая, что за последние три дня его окружили люди, которые говорят меньше, чем знают. Dr. Zlo, Аркадий Львович, а теперь вот охранник. Олег привык, что непонятное в мире бывает только в физике, а люди просто неприятны, но понятны. Теперь всё перевернулось, и физика оказалась понятнее людей.

Он съел котлету холодной, прямо из контейнера. Котлета оказалась очень вкусной, что Олег отметил в журнале как единственный за утро однозначный результат.

* * *

В четверг утром Олег проснулся в шесть и понял, что дома сидеть не сможет.

Дома было тихо, безопасно и невыносимо. Каждые десять

минут он подходил к окну и смотрел во двор, нет ли там бежевого плаща. Каждые пять минут смотрел на часы. В девять он поймал себя на том, что пересчитывает песчинки под микроскопом третий раз подряд и каждый раз сбивается на сорок седьмой. В десять позвонила мама, и Олег смотрел на экран, пока телефон не замолчал, потому что не знал, что сказать ей сегодня. «Мама, меня в два часа изымут, но это не бухгалтерия».

В одиннадцать он принял решение и записал его в журнал, чтобы потом нельзя было отказаться.

«11:04. Обоснование. Уведомление требует явиться "по месту нахождения Объекта". Объект - шпиль на крыше. Лаборатория находится на шестом этаже, под крышей, но это не крыша. Если я нахожусь в лаборатории за запертой дверью, я формально не явился на место нахождения Объекта, но нахожусь рядом с трещиной и могу наблюдать её поведение в 14:00. Это научно оправдано. Кроме того, лаборатория - единственное помещение, где я знаю, что где лежит».

Последнюю фразу он хотел вычеркнуть, но не стал.

У подъезда его перехватила Варя. Она сидела на спинке скамейки, в куртке нараспашку, и делала вид, что ждёт кого-то другого, хотя на этой скамейке, кроме неё и голубей, никого не было.

- Куда это? - спросила она. - Тебе ж сказали сидеть.

- Кто сказал?

- Парень твой, в ботинках с песком. Я вчера в пять утра

в окно видела, как он к тебе в подъезд заходил, а потом ты у себя свет включил, а потом вы на кухне руками махали. У меня бинокль, папин, морской. - Варя спрыгнула со скамейки. - Кстати, кто он? Высокий такой. Ходит, как будто у него внутри линейка.

- Охранник. Из института.

- Охранник в пять утра приходит к физику на больничном и машет руками. - Варя кивнула. - Очень правдоподобно. Ладно, потом. Куда идёшь?

- В лабораторию, по научной необходимости.

- А в два часа? - Варя понизила голос. - Шляпа в два придёт. Он мне сказал, что я в субботу сорвалась. Я в субботу правда сорвалась, Олежа. Мне его что, одной встречать?

- Он придёт не сюда. Я посчитал: по уведомлению ему надо туда, где шпиль.

- А ты как раз туда, где шпиль, и идёшь, - сказала Варя с убийственной логикой.

Олег не нашёлся, что ответить, потому что это была правда, и пошёл к воротам быстрее, чем полагается человеку с сотрясением.

- Котлету возьми! - крикнули ему вслед. - На голодный желудок изымать будут! И позвони мне! Ну, напиши хотя бы!

Через заднюю дверь, которая не запиралась с две тысячи одиннадцатого года, он вошёл в институт в половине первого. На чёрной лестнице никого не было. На шестом этаже

пахло корицей так сильно, что Олегу захотелось чихнуть ещё на площадке. Он открыл лабораторию, вошёл, запер дверь на ключ и на защёлку и, подумав, подпёр её табуретом.

Трещина за три дня выросла до размеров тетрадного листа. Она висела у окна, чёрная, неровная, похожая теперь не на волос, а на разрыв в бумаге, и из неё дул слабый тёплый ветер. Песок, который Олег оставил на подоконнике в ночь на вторник, кто-то убрал. Олег догадывался кто. Но новый песок уже насыпался горкой, а на полу под окном лежал тонкий жёлтый слой, как после пыльной бури, и в нём отпечатались чьи-то тапки сорокового размера.

- Привет, - сказал Олег трещине. - Я тут посижу, ты не против?

Трещина дунула на него тёплым воздухом. Олег решил считать это согласием.

Он поставил термометр, включил секундомер на телефоне, сел на пол за стенд с приборами так, чтобы его не было видно от двери, и стал ждать.

* * *

В тринадцать пятьдесят семь в коридоре стало холодно.

Олег почувствовал это раньше, чем услышал шаги. Из-под двери потянуло сквозняком, но сквозняк был не обычный, коридорный, а ледяной, как из погреба. Корица в воздухе смешалась с чем-то незнакомым, сырым и тяжёлым, похо-

жим на запах старых подвалов, куда много лет никто не заглядывал. Термометр у трещины показывал пятьдесят два. Термометр на стенде, рядом с Олегом, за минуту упал с двадцати одного до пятнадцати.

В тринадцать пятьдесят девять в коридоре зазвучали шаги. Одни шаги, лёгкие, ровные, в хороших ботинках. Других шагов не было, но лампы над дверью, которые Олег видел в щель под ней, начали мигать.

В четырнадцать ноль-ноль постучали, вежливо, три раза.

- Олег Андреевич! - сказал голос Аркадия Львовича за дверью, и голос этот был полон искреннего огорчения. - Олег Андреевич, вы опаздываете.

Олег сидел за стендом, обхватив колени, и молчал. Лампы под потолком лаборатории светились ярче обычного. Он видел, как они подрагивают в такт его сердцу.

- Олег Андреевич, я знаю, что вы здесь, - продолжал Аркадий Львович. - Носитель в радиусе двадцати метров от Объекта определяется приборами. Вы на шестом этаже, крыша над вами, это меньше десяти метров. Будьте любезны, откройте.

- Меня нет, - сказал Олег. Он не собирался ничего говорить, оно сказалось само.

За дверью помолчали.

- Носитель отсутствует, - задумчиво произнёс Аркадий Львович, - но разговаривает. Это интересный случай. Олег Андреевич, если вас нет, то с кем я сейчас беседую?

- С научным сотрудником лаборатории, а носителя нет. Носителю надлежит явиться по месту нахождения Объекта, а Объект на крыше. Здесь не крыша. Значит, носитель не явился, а научный сотрудник здесь работает и вас не приглашал.

Пауза за дверью была долгой.

- Это очень изобретательно, - наконец сказал Аркадий Львович с уважением. - Правда. У нас редко кто читает уведомления так внимательно. Но, к сожалению, в регламенте, параграф четвёртый, сказано: «Местом нахождения Объекта считается здание, на котором либо в котором Объект расположен». Вы в здании, Олег Андреевич. Значит, вы явились. Просто не туда открываете дверь.

Олег закрыл глаза: регламента он не читал. Регламент на сорок шесть листов выдавался по запросу, а он не запросил. Это была ошибка, и если бы он сейчас мог что-то записать в журнал, он бы записал: «Перед экспериментом изучить методику».

- Я запрашиваю регламент, - сказал Олег в дверь. - Вы говорили, он выдаётся по запросу. Я запрашиваю.

- Запрос подаётся в письменном виде не позднее чем за трое суток до мероприятия, - с сожалением ответил Аркадий Львович. - Вы опоздали на двое суток и двадцать три часа. Но я отмечу, что запрос поступил. Это говорит о вас хорошо.

- А если я подам запрос сейчас, письменно? - спросил Олег. - Под дверь?

- Под дверь не принимаем, - сказал Аркадий Львович. - Бумага, прошедшая под дверью, считается подброшенной. Но вы можете подать запрос мне в руки. Для этого, правда, придётся открыть.

- Это ловушка.

- Это порядок, - поправил Аркадий Львович. - Ловушка - это когда без предупреждения.

- Тогда я не открою, - сказал Олег.

- Жаль, - сказал Аркадий Львович, и Олег услышал, как за дверью зашуршала бумага. - Фиксирую: четырнадцать ноль две, носитель отказывается от добровольной передачи. Олег Андреевич, вы вынуждаете меня привлечь понятых. Я вас предупреждал.

- Предупреждали, - согласился Олег.

- Последний раз прошу по-хорошему. Вам у нас будет лучше, чем вы думаете. Тихо, спокойно, никаких профкомов. Никто не будет звонить на вахту и спрашивать, живы ли вы. Никто не будет вас беспокоить.

Олег открыл глаза. Последние слова были сказаны мягко, почти ласково, и попали точно туда, где у Олега было тише всего и больнее всего. «Никто не будет вас беспокоить». Он двадцать лет мечтал, чтобы его никто не беспокоил. Он почти этого добился.

- Нет, - сказал Олег, и голос у него вышел хриплым. - Спасибо, нет.

- Понятые, - сказал Аркадий Львович без всякого выра-

жения, как говорят «следующий».

Под дверью потемнело.

Сначала Олег подумал, что погасли лампы в коридоре. Потом увидел, что темнота течёт. Она просачивалась в щель между дверью и полом, как густой дым, только дым поднимается, а эта темнота стелилась по полу и копилась. Табурет, подпиравший дверь, покрылся инеем. Две лужи темноты на полу лаборатории вспухли, вытянулись вверх и стали двумя фигурами.

Они были ростом с человека, серые, в длинных серых плащах. Лица у них были, но смотреть на эти лица было как на фотографию, снятую не в фокусе: глаз всё время соскальзывал, и никак не получалось понять, какой у фигуры нос и есть ли он вообще. От них шёл холод, и лампы над ними тускнели.

Фигуры повернули размытые лица к стенду, за которым сидел Олег.

Олег сделал то, что делал всю жизнь, когда становилось страшно: забился глубже. Спиной в угол, между стендом и стеной, колени к подбородку. Понятые двинулись к нему одновременно и бесшумно, не переставляя ног, и холод подступил так, что у Олега онемели пальцы.

Первая фигура протянула руку. Рука была длинная, серая, и в ней не было ни суставов, ни ногтей. Она легла Олегу на плечо, и плечо сразу онемело, как отсиженное.

- Аккуратно, - сказал из-за двери Аркадий Львович. - Но-

ситель порче не подлежит.

Понятой, по-видимому, понимал слово «аккуратно» так же плохо, как обещал Аркадий Львович. Он потянул, и Олег поехал по полу, по жёлтому песку, к середине лаборатории.

Дверь грохнула. Табурет, покрытый инеем, отлетел в сторону и раскололся о шкаф. Защёлка вылетела вместе с куском косяка. На пороге стоял охранник Ветров, тяжело дыша, в куртке нараспашку, с красным лицом человека, который пробежал шесть этажей по лестнице. Из-за его плеча виднелся бежевый плащ Аркадия Львовича: тот стоял в коридоре с папкой и выглядел так, будто наблюдает за нарушением порядка в очереди.

- Пункт двести девяносто пятый, - сказал Ветров и шагнул в лабораторию.

Понятые повернулись к нему.

То, что было дальше, Олег видел урывками, потому что его всё ещё тащили по полу. Ветров ударил вторую фигуру, ту, что не держала Олега, и кулак ушёл в серое, как в мокрую вату. Фигура качнулась и снова собралась. Ветров ударил ещё раз, ногой, и снова в вату. Фигура подняла руку, и Ветров отлетел к стене, как от удара грузовика. Он ударился спиной о шкаф с приборами, с полки посыпались коробки, но сразу вскочил.

- Не бей в лицо! - крикнул Олег, сам не зная почему. - У них нет фокуса!

- Чего?!

- Смотри не на них, а рядом!

Олег не понимал, что говорит. Он только видел, что взгляд соскальзывает с понятых, как с мокрого стекла, и что настоящие очертания фигуры видны краем глаза, если смотреть в сторону. Ветров, кажется, понял. Он перестал смотреть на понятого прямо, отвёл глаза на окно, где висела трещина, и ударил не туда, где фигура казалась, а на полметра левее.

Кулак попал. Понятой согнулся, и серый плащ на нём пошёл рябью, как вода от камня.

- Смотри, куда я не хочу, чтобы ты смотрел, - выдохнул Ветров, и Олег не понял, к кому он обращается.

Первый понятой, который держал Олега, бросил его и развернулся к Ветрову. Теперь их было двое на одного. Ветров попятился к стене, отбиваясь, и Олег увидел, что с каждым ударом серых рук охранник двигается всё медленнее. Холод доставал его, иней ложился на рукава куртки, на волосы, на лицо.

- Ветров, слева! - крикнул Олег.

- Игорь! - рявкнул охранник, уворачиваясь от серой руки. - Раз орёшь, ори по имени, так короче!

Олег встал. Плечо, которое отсидел понятой, не слушалось, но ноги держали. Он стоял посреди лаборатории, на жёлтом песке, среди разбросанных коробок, и ему было страшно так, как не было никогда в жизни, даже в семь лет, первого сентября, когда мама отпустила его руку у двери

класса, а за дверью сидели тридцать незнакомых детей и все разом на него посмотрели.

Лампы под потолком вспыхнули. Не ярче, как бывало раньше, а белым, слепящим светом, как от сварки. Олег почувствовал, как от пяток до макушки проходит волна тепла, и в руках что-то затрещало, как трещит свитер, если быстро снять его через голову. Он поднял руки, не понимая зачем, ладонями к понятым.

Между ладонями и серыми плащами проскочила молния.

Она была маленькая, в метр длиной, лиловая, точно такая же, какие катушка выбрасывала в заземлённую сетку. Только сейчас катушка стояла выключенная, а молния вышла из Олега. Она ударила первого понятого в спину, и тот рассыпался, как столбик пепла, если его толкнуть пальцем. Второй развернулся к Олегу. Олег ударил ещё раз, вторая молния прошла сквозь серый плащ, и второй понятой стёк на пол лужей темноты и стал уползать под дверь, быстро, как пролитая вода.

Лампы погасли все сразу, с хлопком. В лаборатории стало темно, только трещина у окна чернела ещё чернее, чем темнота вокруг, и из неё дул тёплый ветер.

Олег сел на пол, потому что ноги перестали его держать.

В дверях кашлянули. Аркадий Львович стоял на пороге и разглядывал разгромленную лабораторию с выражением глубокого служебного огорчения. В руках у него была раскрытая папка.

- Ну вот, - сказал он грустно. - Вот к чему приводит нарушение регламента.

- Вы... - начал Ветров, отлепляясь от стены, и Аркадий Львович поднял ладонь.

- Минутку, я фиксирую. - Он что-то быстро записал в папке. - Четырнадцать ноль шесть. Нарушение пункта четвёртого уведомления: носитель не явился в установленное место. Нарушение параграфа седьмого регламента: оказано сопротивление изъятию. Понятые выведены из строя, двое, восстановление займёт... - он поднял глаза к потолку, прикидывая, - ...не меньше недели. Порча казённого имущества. Олег Андреевич, вы мне очень, очень осложнили жизнь.

- Извините, - сказал Олег по привычке и тут же разозлился на себя за это.

- Ничего, - вежливо сказал Аркадий Львович. - Я понимаю, вы растерялись. В первый раз все теряются. - Он вынул из папки лист, протянул его через порог. - Распишитесь, пожалуйста, в акте о срыве мероприятия. Это формальность. Без вашей подписи акт недействителен, и мне придётся составлять новый, при свидетелях.

Ветров сделал два шага, взял лист у него из рук и, не читая, разорвал пополам. Потом сложил половинки и разорвал ещё раз.

Аркадий Львович посмотрел на клочки бумаги в руках у охранника так, как смотрят на разбитую любимую чашку.

- Порча документа, - сказал он тихо. - Ответственным

лицом Земной стороны. Это уже уведомление номер три, Игорь... простите, И. Ветров.

- Уходите, - сказал Ветров.

- Ухожу. - Аркадий Львович закрыл папку, приподнял шляпу. - Новая дата изъятия будет сообщена дополнительно, в установленном порядке. Олег Андреевич, выздоравливайте. И подумайте над моими словами. Вам правда было бы у нас спокойнее.

Он ушёл. Шаги удалялись по коридору, лёгкие и ровные, а вслед за ними уходил холод. Через минуту в лаборатории снова стало тепло, а в коридоре, щёлкнув, загорелись лампы.

Олег сидел на полу, на песке, и смотрел на свои руки. Ладони были красные, горячие и мелко дрожали. Ветров стоял у стены и стряхивал с волос иней.

Они молчали, пока Ветров не спросил:

- Ты кто?

- Я? - Олег поднял на него глаза. - Научный сотрудник, физик. А ты кто?

- Охранник.

- Охранники так не дерутся. Ты бил его туда, где его нет, и попадал.

Ветров посмотрел на его руки, всё ещё красные и дрожащие, потом на выключенную катушку в углу, потом снова на руки и сказал:

- А физики не швыряются молниями из рук.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.